

На правах рукописи

РЕДИН Дмитрий Алексеевич

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА УРАЛЕ
В ЭПОХУ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ (ЗАПАДНЫЕ УЕЗДЫ СИБИРСКОЙ
ГУБЕРНИИ В 1711–1727 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург, 2007

Работа выполнена на кафедре истории России

Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук, профессор Аркадий Иванович Комиссаренко

Доктор исторических наук, профессор Юрий Николаевич Смирнов

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Александр Христианович Элерт

Ведущая организация – Российский государственный гуманитарный университет

Защита состоится _____ 2007 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Уральском государственном университете им. А. М. Горького (620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ауд. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Уральского государственного университета.

Автореферат разослан “__” _____ 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор

В. А. Кузьмин

Общая характеристика работы

Актуальность темы диссертации определяется, в первую очередь, теми исключительно важными функциями, которые выполняет государственный аппарат всех уровней. К какому бы из известных определений государства ни склонялось наше предпочтение, структурообразующая роль аппарата управления в конструкции государства несомненна. Государственный аппарат (или институция, выполняющая его миссию) – обязательный признак государства; через аппарат управления абстрактное понятие государства обретает свою «физическую» осязаемость; посредством аппарата управления государство реализует свое влияние на социально-экономическую жизнь общества. Тем более последнее присуще особенностям исторического развития России, которое с регулярным постоянством преподносит нам примеры чрезвычайного влияния государственных институтов. Не случайно и, наверное, не в последнюю очередь в связи с этим, и отечественное историописание формировалось прежде всего как история *государства* Российского, а «государственная» школа стала едва ли не самым мощным и завершенным явлением классической русской историографии.

Второе обстоятельство, которое актуализирует выбранную проблематику, имеет более специально-исторический характер: осознание петровских реформ как одного из принципиальных и ключевых моментов отечественной истории. В связи с этим, уже современниками реформатора первая четверть XVIII в. воспринималась как своеобразная точка отсчета, водораздел в истории древней и новой России; отныне любые изыскания, оценки, прогнозы как ретроспективного, так и перспективного характера не обходились без учета петровских преобразований. Последние стали не только предметом научных, но, что немаловажно, нравственных и, шире – мировоззренческих рефлексий, материалом политических и философских спекуляций, питательной средой для формирования мифов и стереотипов. В то же время изучение петровских реформ – необходимое условие понимания природы государственного строя России XVIII и последующего веков: проблемы, не только не исчерпанной предшествующими дискуссиями (например, 60-х и 70-х годов прошлого столетия), но получившей новые стимулы развития в связи с изменениями теоретико-методологических установок и приоритетов научного поиска, произошедшими в русской историографии последних двух десятилетий. Новейшие исследования петровского времени свидетельствуют, что отечественное петроведение начинает переживать качественно новый уровень своего развития. С одной стороны об этом свидетельствует появление капитальных работ, авторы которых, при всей несхожести в своих индивидуальных подходах и пристрастиях ставят проблему оценки петровских преобразований в контекст

имперского периода истории России в целом или даже в контекст всемирной истории¹. С другой стороны – глубоких, основанных на привлечении свежего и обширного архивного материала, трудов, посвященных детальной реконструкции истории петровских учреждений². Выход в свет подобного рода трудов знаменательно, прежде всего тем, что они в новых условиях, с применением современных методов исследования, возобновили отечественную историографическую традицию, прерванную около столетия назад.

В-третьих. Еще в начале XX века Ю. В. Готье заметил: «...особенности строя каждой из... областей (России. – Д. Р.) нуждаются в особом монографическом изучении и вполне его заслуживают...»³. Эти слова не утратили своей значимости и поныне. Большинство работ, посвященных реформам местного управления, в том числе написанных в советское время, подавалось в некоем «общероссийском» формате. Историки слишком доверялись центральной статистике, законодательству о местных учреждениях, табелям и штатам, составленным в недрах сенатских и коллежских канцелярий и контор, прибегая к региональному материалу фрагментарно и бессистемно. Увлекаясь рассмотрением истории петровской России (в том числе и истории преобразований местного госаппарата) в макроисторическом масштабе, многие авторы предпочитали рассуждать о характере модернизации в первой четверти XVIII в., об удачах и неудачах петровских реформ, о их цене и т.д. Сегодня, когда можно подводить очередной промежуточный итог историографии петроведения, представляется целесообразным сменить исследовательскую установку, перестать рассматривать Россию как некий монолит и обратиться к России как к стране регионального многообразия, стране региональных специфик. Региональное многообразие нашей страны задавало *неравномерность ее развития*. Ход исторического процесса, течение исторического времени в каждом регионе были своими. Это обстоятельство актуализирует задачу изучения реформ Петра I и отдельных их аспектов на местном материале.

¹ См., напр.: Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994, *Он же*. Реформы Петра I и судьбы России: Научно-аналитический обзор. М., 1994.; Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. Второе изд., исправленное. СПб., 2000; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы России XVIII века. (Опыт целостного анализа). М., 2001.

² Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб, 1997; Серов Д. О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996, *Он же*. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.). Историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002; Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003; Балакирева Л. М. Судебная реформа Петра I. Юстиц-коллегия. Новосибирск, 2003 и др.

³ Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т.I. С.6.

Наконец, помимо сугубо научных, можно отметить и общественно-политические, или практические аспекты проблемы, определяющие актуальность настоящего исследования. Они связаны с конструированием новой структуры государственной власти современной России, в том числе – с реформой системы местного управления и самоуправления. Политическое руководство страны как никогда раньше открыто обращается к историческому опыту российского госуправления, в первую очередь XVIII – начала XX в., что выражается в консультациях с историками, прямом декларировании преемственности ряда государственных институтов Российской Федерации и Российской империи, частично-го восстановления административной лексики, присущей дореволюционной традиции и т.п. Разумеется, приведенные примеры не означают реставрации имперских институтов, но поиск, если можно так выразится, национальной государственно-политической идентичности налицо, а потому всякое исследование истории государственного аппарата прошлых веков может иметь не только специально-научное значение.

Объект исследования – местное государственное управление России в переходный период от средневековья к новому времени.

Предмет исследования – структура и функционирование системы местного (общего и специального) государственного управления на Урале в период двух областных реформ Петра Великого. В рамках истории специального госуправления в работе рассматриваются финансово-податные, военно-податные, судебные и горнозаводские учреждения, созданные на Урале, главным образом, в ходе второй областной реформы Петра Великого. Однако все они исследуются настолько, насколько их деятельность влияла на общеадминистративную практику региона. За рамками рассмотрения оставлены органы самоуправления всех уровней и всех социальных групп (служилых, посадских и крестьянских миров) и система церковного управления и самоуправления приходских общин, поскольку история этих структур заслуживает отдельного исследования⁴.

Цель исследования – реконструкция структуры и принципов функционирования системы государственного управления на Урале в контексте развития самодержавной монархии в России в эпоху Петра Великого. Сформулированная цель лежит, на первый взгляд, в русле традиционной истории государственного управления, однако понимается

⁴ Отчасти такие исследования, выполненные на урало-сибирских материалах XVIII в., уже имеются. В качестве примеров можно указать на замечательную монографию Н. Д. Зольниковой и на новейшие работы Н. А. Миненко и И. В. Побережникова: *Зольникова Н. Д.* Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990; *Миненко Н. А.* Самоуправление у русских крестьян Урала в XVIII – середине XIX века // Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Сельское и городское самоуправление на

автором гораздо шире, как реконструкция органически единой истории канцелярий и истории людей, служивших в канцеляриях. В связи с этим пониманием определены

Задачи исследования:

1. Проведение комплексной реконструкции сети региональных коронных учреждений общего и специального управления и соответствующей им системы административно-территориального деления края в динамике 1710–1720-х гг.;
2. Определение основных направлений деятельности и пределов компетенции местных учреждений, их взаимодействия (в вертикальном и горизонтальном срезе), принципов организации делопроизводства в соответствии с законом и сложившейся практикой;
3. Установление реального кадрового состава местных канцелярий всех уровней, его общей численности и ее соответствия штатной, количественного соотношения бюрократии всех категорий и населения края;
4. Выяснение принципов государственного финансирования и комплектования учреждений, механизмов служебных перемещений администраторов и канцеляристов, уровня их профессиональной подготовки;
5. Реконструкция и изучение состояния и характера транспортных коммуникаций региона, оперативности информационного оборота местных учреждений Урала и центральных органов власти, степени исполнительности местного чиновничества и методов ее контроля;
6. Исследование исходной социальной принадлежности руководящего и канцелярского состава, выявление черт внутренней социальной консолидации местной бюрократии, источников их материального благосостояния, структуры дохода и потребления, уровня социальных и имущественных притязаний, элементов социального правосознания;
7. Анализ результативности усилий власти в области местного государственного строительства периода петровских реформ и в процессе развития государственного управления России на переходном этапе от средневековья к новому времени в целом;
8. Определение роли административных преобразований местного аппарата в процессе уральского регионообразования.

Хронологические рамки исследования. Хронологическое ядро исследования определяется первой и второй областными реформами Петра Великого, при этом нижняя граница проходит по 1711, а верхняя – по 1727 г. Определение точкой отсчета 1711 г. обусловлено тем, что только с этого времени можно говорить о реальном начале формирова-

ния аппарата большинства губерний, в том числе и Сибирской⁵, куда административно входили интересующие нас уральские территории. Нижняя граница – 1727 г. – общепризнанная в специальной литературе грань, время, когда система местного госуправления, созданная реформатором, подверглась демонтажу и была принципиально упрощена. Разумеется, что по ходу повествования логика развития интересующих нас событий будет время от времени вынуждать к нарушению указанных временных пределов, но не настолько, чтобы разрушить общую хронологическую целостность.

Территориальные рамки исследования ограничиваются Уралом; при этом принципиально важно оговорить, что понимается под Уралом относительно первой четверти XVIII в. Известно, что территории, с географической точки зрения относящиеся к уральским, в XVII – первой четверти XVIII в. отчасти определялись современниками как сибирские и поморские, отчасти вовсе оставались за пределами российской юрисдикции и воспринимались как пограничные кочевья. Однако, с нашей точки зрения, в первой половине XVIII в. происходит процесс формирования основы Урала как региона, отличного от русского Поморья и Сибири, хотя еще тесно связанного с ними. Структурообразующим явлением в этом процессе стало создание на Среднем Урале (преимущественно Верхотурский уезд) и в Среднем (Камском) Приуралье (Кунгурский и Соликамский уезды) крупного горнорудного и металлургического мануфактурного производства. Развивающийся горнозаводской комплекс вызвал к жизни масштабные изменения инфраструктурного характера, в том числе – в области государственного управления. В свою очередь, государственные структуры, управлявшие отраслью, с одной стороны оказывали дальнейшее стимулирование регионального своеобразия Урала, а с другой были теснейшим образом связаны со всей, в том числе – общей системой коронного аппарата Сибирской губернии. Таким образом, время петровских областных реформ – это важный момент в становлении Урала как региона. Определяясь с понятием «регион» мы пользуемся формулировкой, в свое время предложенной А. С. Мыльниковым и с незначительными вариациями употребляемой и сегодня: регион есть системная совокупность географически, экономически, политически и культурно (в широком смысле) связанных исторических областей-провинций⁶. В нашем случае такими историческими областями выступают восточные по-

⁵ Впрочем, П. Н. Милюков, рассматривавший реформы Петра I через призму эволюции государственной экономики, в первую очередь финансовой системы, склонен был датировать фактическое начало первой областной реформы еще более поздним сроком – 1712 г. См.: Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 393.

⁶ Мыльников А. С. Народы Центральной Европы: Формирование национального самосознания XVIII–XIX вв. СПб., 1997. С. 7–8; Он же. Расширенное заседание Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по

морские и западные сибирские территории. Очерчивая границы Уральского региона в изучаемый период (1710–1720-е гг.), мы исходили из понимания исторической изменчивости феномена региона, относительной устойчивости его ядра и «подвижности» периферии, в связи с чем всякая попытка точного вычленения любого региона из массы прочих будет уязвима для критики. Тем не менее, в качестве уральского (в контексте исторических процессов первой четверти XVIII в.) в работе рассматривается пространство в условных границах «от Вятки до Тобола», в административном отношении состоявшее в изучаемый период из Вятского (в широком смысле, с «пригородками»), Кайгородского, Чердынского, Соликамского, Кунгурского, Верхотурского, Пелымского, Туринского, Тюменского и Тобольского уездов. В терминологии второй областной реформы это пространство можно определить короче: Вятская, Соликамская и западная часть Тобольской провинции.

Методологическая основа и методы исследования.

Общий замысел, цель и задачи исследования определили методологической основой работы классическое источниковедение и междисциплинарность. Любая из известных трактовок проблемы метода в методологии истории признает, что в ней (проблеме) соединены теоретический уровень и практика исторического исследования⁷. Определяя теоретический уровень исследования, можно оттолкнуться от одной из признанных систем классификации научных теорий и от широких представлений об объекте исторического исследования, разработанных еще в рамках советской традиции, но не утративших своей актуальности и поныне. В отечественной науковедческой литературе была распространена классификация научных теорий по степени их общности⁸. Применяя эту модель к общественно-гуманитарным наукам, И. Д. Ковальченко выделял общефилософские, философско-социологические, специально-научные и конкретно-проблемные теории⁹. Поскольку любая методология является теорией научно-познавательной деятельности, по-

комплексным проблемам славяноведения и балканистики // Советская этнография. 1984. № 1. С. 148 – 152; ср.: Абрамов Ю. Ф., Арсеньев И. И. На пути к региональному глобализму. Иркутск, 2005. С. 68.

⁷ Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург, 2005. С. 9–10.

⁸ Специальное рассмотрение различных классификационных систем научных теорий см.: Андреев И. Д. Теория как форма организации научного знания. М., 1979. С. 55 и далее.

⁹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 19. Сходные принципы классификации можно обнаружить и в новейших трудах по теории истории и гуманитарного знания. См., например: Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997; Медушевская О. М. Профессионализм гуманитарного образования в условиях междисциплинарности // Проблемы источниковедения и историографии: Мат-лы II научн. чтений памяти акад. И. Д. Ковальченко. М., 2000.

стольку она может быть классифицирована в соответствии с приведенной градацией. Иными словами, можно различать как методологии общего (общефилософского), так и более частного, конкретно-научного (специально-научного, по Ковальченко) характера, представляющих собой системы методологических принципов, исходящие из содержания самой конкретной теории¹⁰. Настоящее исследование, конкретно-историческое по своей природе и построенное на региональном материале, находится вне поля макроисторического описания и, тем более, макросоциологических построений. Его теоретический «формат», в силу сказанного, определяется специально-научным и конкретно-проблемным уровнями. Для исторической науки такой специально-научной теорией является источниковедение, выступающее, одновременно и как отрасль исторической науки, разрабатывающая теорию, методику и технику исследования исторических источников, и как собственно теория, имеющая значение для исторической науки в целом и, по сути говоря, отличающая историческую науку от других общественно-гуманитарных наук. Конкретно-проблемный уровень определяется самим объектом исторической науки в целом. История – процесс познания, обращенный в прошлое, отсюда «объект познания исторической науки – вся совокупность явлений общественной жизни на протяжении всей истории общества». Развивая эту мысль, академик Ковальченко писал далее: «... историческая наука по сравнению с другими конкретными общественно-гуманитарными науками выступает как наука *комплексная, интегральная*. Она имеет дело со всеми общественными явлениями, которые изучаются этими науками»¹¹. Такая природа исторической науки сама по себе побуждает выстраивать исследование на основе междисциплинарности. Того же требует современная интеллектуальная ситуация и новейшая парадигма знания, складывающаяся в начале XXI в.¹²

В применении к настоящей работе принципиальными моментами, определяющими выбор методов, будут *ее региональный характер* и акцентированность *на административной истории, понятой в качестве органически единой истории канцелярий и истории людей, служащих в канцеляриях*. Региональный масштаб работы и «человеческий фактор» в истории госуправления совершенно однозначно подсказывают уместность интерпретации источникового материала в русле антропологической версии социальной истории (прежде всего, таких ее направлений как локальная история и история повседневности), использования методов семиотики (понятие социальных кодов при исследовании местной

¹⁰ Иванова Р. И., Симанов А. Л. Реализация методологической функции философии в научном познании и практике. Новосибирск, 1984. С. 44.

¹¹ Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 44.

¹² Поршнева О. С. Указ. соч. С. 37.

бюрократии как социальной общности), а сам предмет исследования призывает к использованию историко-юридических методов. В меньшей степени в работе применялись частные методики ряда других дисциплин: демографии (метод демографической статистики при выяснении коэффициента соотношения между численностью чиновничьего аппарата и населением Урала интересующего периода), теории менеджмента (метод определения качества управления), статистические методы (группировка, средние, относительные и динамические показатели при количественных оценках региональной бюрократии и состояния документооборота) и др. Разумеется, подобные заимствования использовались с учетом основополагающего принципа историзма и всецело подчинялись цели и логике настоящего исследования.

Научная новизна диссертационного исследования определяется следующими основными моментами:

- Впервые в отечественной историографии создано комплексное и систематическое исследование по административной истории Урала первой четверти XVIII в.; детально реконструирована структура местного управления как по вертикали (от губернского до слободского (дистриктного) уровня), так и по горизонтали (в срезе равноранговых учреждений общего и специального управления); дана оценка протяженности, геометрии и состояния сухопутной транспортно-коммуникационной сети региона как важного фактора организации управления; проведен анализ финансового обеспечения региональной коронной администрации; восстановлены персональный административный и канцелярский состав, его кадровые перемещения и динамика изменений реальной численности, уровень профессиональной подготовки, организация и эффективность канцелярской работы.

- На основе анализа нормативной документации и материалов канцелярской отчетности, значительная часть которой впервые введена в научный оборот, автор доказал несостоятельность бытующих в историографии представлений о существенном влиянии петровского законодательства о госслужбе (единые принципы организации внутренней структуры канцелярий и делопроизводства, единые принципы и схемы должностных окладов, единая система чинопроизводства и т. п.) на реальный характер организации местного государственного управления.

- Впервые на основе урало-сибирского материала исследование по истории государственного управления выполнено как междисциплинарное, основанное на синтезе методов источниковедческого, историко-юридического и историко-антропологического подходов, с привлечением частных методик других общественных дисциплин. В результате этого автору удалось рассмотреть местную бюрократию как обособленную социальную общность, сплоченную не только родом занятий, но едиными материальными притя-

заниями, сходной структурой доходов и потребления, едиными представлениями о должностной преступности и т. п. В рамках этой проблематики удалось выйти на некоторые более частные, но мало изученные и важные проблемы: организацию системы кормлений в XVIII в. и ее интегрирующую роль в процессе социогенеза местной бюрократии; отношение к должностной преступности носителей высшей власти и тяглого населения; различия в социальном и служебном облике центральной и местной бюрократии в первой трети XVIII в.

Практическое значение исследования определяется тем, что собранные в нем материалы, приведенные статистические выкладки и теоретические оценки способствуют формированию более точного и обоснованного, а не интуитивного и эмоционального представления о реальном ходе реформ местного государственного управления в петровское царствование, а в конечном итоге дают основу для выработки более аутентичного понимания процесса государственного строительства в России на рубеже средневековья – нового времени. Методические приемы, примененные в работе, могут послужить дальнейшим исследователям истории государственного управления, могут быть применены в изысканиях по источниковедению, истории повседневности и истории ментальностей. Основные положения настоящего исследования использовались при написании учебников и учебных пособий по истории Урала для учителей средних школ, студентов и школьников. На базе диссертации разработан и читается спецкурс «Эволюция государственного управления в России позднего средневековья – раннего нового времени» для студентов первого года магистратуры (направление «История»). Наблюдения и выводы, сделанные в ходе диссертационной работы, могут быть востребованы при подготовке специалистов в области государственного и муниципального управления.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации на различных этапах ее подготовки и написания докладывались на международных, всероссийских и региональных конференциях и симпозиумах: международной конференции «Политические институты и социальные страты России (XVI–XVIII вв.)» (Москва, 1998), III Сибирском симпозиуме «Культурное наследие Западной Сибири» (Тобольск, 2000), XIV научной конференции «Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания» в честь С. О. Шмидта (Москва, 2002), межрегиональной научной конференции «VI Уральские археографические чтения» (Екатеринбург, 2003), окружной научно-практической конференции «Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях» (Сургут, 2003), межвузовской (межрегиональной) научно-практической конференции «Региональные истории и толерантность в обществе. (Сравнительная регионалистика в базовых курсах отечественной и всеобщей истории как фактор формирования толерантного сознания»

ния)» (Екатеринбург, 2003), VII Сибирском симпозиуме «Культурное наследие народов Западной Сибири» (Тобольск, 2004), российской научной конференции «Меншиковские чтения – 2004» (Березово, 2004), научной конференции «Петровское время в лицах – 2005» (Санкт-Петербург, 2005), международной конференции «Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII вв.)», посвященной 100-летию со дня рождения Л. В. Черепнина (Москва, 2005), международном симпозиуме «Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница» (Ханты-Мансийск, 2006). Комплексное обсуждение исследования состоялось на заседании научно-исследовательского семинара «Источниковедение истории России X–XVIII вв.» под руководством чл.-корр. РАН С. М. Каштанова в Историко-архивном институте РГГУ (2005). Тема диссертационного исследования была поддержана грантом Министерства образования РФ в области гуманитарных наук (Г02-1-27) в 2002–2004 гг.; отчет был опубликован в сборнике рефератов избранных работ «Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Конкурс грантов 2002 года» (Екатеринбург, 2005).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения.

Содержание работы

Введение содержит постановку темы исследования. В нем обосновываются актуальность избранной проблематики, объект и предмет, цель, задачи, хронологические и географические рамки, методологическая основа и методические подходы и приемы исследования. Ввиду сложности процессов регионообразования и исторической изменчивости регионов, во введении рассматриваются теоретические аспекты понятия «регион» и предлагается очерк формирования Урала в качестве региона, отличного от Поморья и Сибири.

Глава 1. «Обзор литературы и источников» состоит из двух параграфов и посвящена рассмотрению процесса формирования специального научного интереса к теме преобразований местного государственного управления в эпоху Петра Великого и выделения в ее рамках историографической традиции изучения уральской административной истории указанного периода, а также дана характеристика источникового массива, выявленного и отобранного в качестве источниковой базы настоящего исследования.

Параграф 1.1. «История изучения местных учреждений петровского времени и Урал (обзор литературы)» содержит характеристику основных тенденций развития отечественной историографии петровских реформ местного управления, в русле которой сформировалась современная практика исследования функционирования коронной администрации на Урале в период петровского царствования и в первые годы после него.

Учитывая неохватный диапазон литературы, посвященный петровскому времени, а также то обстоятельство, что, практически любая работа по изучаемой эпохе так или иначе касается проблемы реформ государственного аппарата, автор посчитал возможным и целесообразным выявить и включить в настоящий обзор такого рода труды, которые имели бы предельно близкое отношение к избранной теме и несли бы в себе факты и оценки, касающиеся именно реформ местного госаппарата в первой четверти XVIII в. В связи с этим в первом параграфе первой главы оказалась освещена, по преимуществу, специальная литература, созданная российскими авторами второй четверти XIX – начала XXI в.; анализ различных жизнеописаний Петра Великого, общих трудов по петровской эпохе, исследований истории центрального аппарата (как отечественных, так и зарубежных авторов) вынесен за скобки. В то же время, повинаясь прагматическим потребностям и субъективному пониманию цели собственного исследования, автор сделал некоторые отступления от заявленного правила, охарактеризовав отдельные исследования общего характера и работы по истории центральных органов власти, имевших особое влияние на формирование научных и общественных представлений о петровских преобразованиях в административной сфере. По той же причине в обзор оказались включены некоторые труды, посвященные исследованию истории местного государственного управления второй половины XVII и второй четверти XVIII в.

Процесс истории изучения петровских реформ местного управления (выделением в его рамках регионального направления) может быть разделен на несколько периодов и этапов:

Первый период(дореволюционный), состоявший из двух этапов

1-й этап – 1840-е – вторая половина 1870-х гг. Изучение петровских преобразований в административной сфере и, в частности, в области местного госуправления, становится специальной темой в отечественной историографии. На этом этапе названную проблематику развивают почти монопольно историки права, служившие на юридических кафедрах российских университетов, поскольку история государственных учреждений была тогда (в том числе и как учебная дисциплина) составной частью науки государственного права¹³. Ими были сформулированы объект изучения, общий круг исследовательских про-

¹³ Кавелин К. Д. Основные начала русского судостроительства и гражданского судопроизводства от Уложения до Учреждения о губерниях // Соч. М., 1859. Ч. 1. (1-е изд.: М., 1844); Неволлин К. А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Полн. собр. соч. СПб., 1859. Т. 6. (Первая публикация (кроме V части, посвященной петровскому периоду) – в 1844 г. в «Журнале Министерства народного просвещения»); Трощина К. Е. История судебных учреждений в России. СПб., 1851; Вицын А. [И.] Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания Общего учреждения министерств. Казань, 1855; Дмит-

блем, реконструирована (с большим количеством неточностей и умолчаний) номенклатура должностей и учреждений местного управления первой четверти XVIII в., выявлена первичная источниковая база. Особенности профессиональной подготовки, теоретических представлений (формировавшихся под влиянием профессоров-гегельянцев Берлинского университета Л. фон Ранке, К. Риттера, Ф. Савиньи, Э. Ганса, у которых стажировались некоторые русские историки и правоведы, а также посредством научно-педагогической деятельности дерптской профессуры – И. Эверса и его учеников) и общественно-политических позиций (все они с той или иной степенью активности заявили о себе как либералы западнического толка), определили особенности их исследовательского «почерка». Это проявилось в ограниченности источниковой базы (работа исключительно с законодательным материалом, опубликованным, г.о., в Полном собрании законов Российской империи), простоте исследовательской техники (господство формально-юридического подхода), слабой теоретической проработкой концепций исторического процесса применительно к российскому материалу. Будучи историками-«государственниками», они так или иначе демонстрировали общую приверженность основным компонентам государственной школы, в частности, постулату об особой роли государства в истории России. Подобный взгляд гармонично сочетался с современными им юридическими теориями государственного права, такими, например, как теория «технического» и «органического» государств, разработанные германским правоведением. За редким исключением, петровский период истории местного управления рассматривался ими в более широком (ретроспективно или перспективно) хронологическом контексте.

2-й этап – конец 1870-х – 1910-е гг. Второй этап дореволюционного развития темы местных учреждений эпохи петровских реформ отличался гораздо большим разнообразием в освоении и осмыслении материала¹⁴. Это было обусловлено рядом разнопорядковых

риев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях // Соч. М. 1899. Т. 1. (1-е изд.: М., 1859); *Романович-Славянский А. [В.]* Исторический очерк губернского управления от первых преобразований Петра Великого до учреждения губерний в 1775 г. Киев, 1859, *Он же.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912 (1-е изд.: Киев, 1870); *Андреевский И. [Е.]* О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864; *Лохвицкий А. [В.]* Губерния. Ее земские и правительственные учреждения, XVIII в. М., 1864. Ч. 1; *Градовский А. Д.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866; *Он же.* История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1.

¹⁴ Выделим как наиболее значимые для нашего обзора: *Мрочек-Дроздовский П.* Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Историко-юридическое исследование эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 гг.). М., 1876; *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. Т. 3.: Органы местного управления. СПб., 1883; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по истории

причин: приходом в проблематику «гражданских» историков (привнесение ими иных профессиональных практик исследования), осознанием исчерпанности традиционной источниковой базы, формированием новых теоретико-методологических и мировоззренческих концепций (последнее проявилось особенно ярко на рубеже XIX–XX вв.). Происходит обобщение и концептуализация научного наследия историков-юристов 1840–1860-х гг. в учебниках по истории права, иногда – с небезуспешными попытками выхода на новый теоретический уровень (А. Д. Градовский, М. Ф. Владимирский-Буданов), иногда – весьма традиционное, со всем грузом фактологических недостатков и ошибочных суждений (В. И. Сергеевич). С конца 1870-х гг. начинается процесс освоения архивных материалов (П. Н. Мрочек-Дроздовский), а на рубеже XIX–XX вв., в трудах учеников В. О. Ключевского (П. Н. Милюков, М. М. Богословский, Ю. В. Готье) использование делопроизводственного наследия петровских учреждений становится нормой. В трудах историков-юристов, вышедших в свет в эти годы, активно начинают разрабатываться вопросы централизации и децентрализации власти, важные для понимания замысла и последствий преобразований местного управления, особенно периода первой областной реформы (П. Н. Мрочек-Дроздовский, А. Д. Градовский, И. Блинов), проблемы соотношения бюрократических и земских принципов управления (названные авторы, М. В. Владимирский-Буданов); принципиально важный вклад в решение последней проблемы внес М. М. Богословский, сформулировавший понятие самодержавно-земского (сословно-представительного) государства и бюрократии («Земское самоуправление на русском Севере»). В трудах П. Н. Милюкова и М. М. Богословского, направленных на преодоление методологической ограниченности западническо-славянофильской полемики, осуществляется (на основе широкого привлечения материалов местных учреждений петровского времени) продуктивная попытка отказа от жесткого «государственного» детерминизма в трактовке реформ управления, поиск баланса политического и социально-экономического

русского права. СПб., 1883; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права (первое издание в 1886 г.; в дисс. цит. по переизданию Ростов/Дон, 1995); *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892; *Павлов-Сильванский П. Н.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные тексты. СПб., 1897; *Он же.* Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907; *Богословский М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг. М., 1902; *Он же.* Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. 1903. Ч. CCCXXXIX; *Он же.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1912; *Блинов И.* Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905; *Латкин В. Н.* Учебник по истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909; *Александров М. С. (М. Ольминский).* Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб., 1910; *Готье Ю. В.* История областного управления России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. I.

факторов общественного развития России изучаемой эпохи. В результате большого количества свежего архивного материала история местного госаппарата не только реконструируется с большой точностью, но формируется важное понимание того, что между законодательством реформ и реальным госстроительством первой четверти XVIII в. существовали большие различия (П. Н. Милюков, М. М. Богословский, Ю. В. Готье). В начале XX в. проблема петровских преобразований местного управления впервые помещается в более широкий контекст дискуссии об абсолютных монархиях в Европе и России (Н. П. Павлов-Сильванский, М. М. Богословский). К этой дискуссии присоединяются последователи набирающего силу марксизма, носители его вульгарно-социологизированного варианта, такие как М. С. Ольминский. При этом важно подчеркнуть, что изучение местного управления при Петре I по отдельным губерниям не ведется; даже такие крупнейшие исследователи, как П. Н. Милюков и М. М. Богословский строят свои труды в «общероссийском» формате, опираясь, в основном, на документы учреждений европейской России и используя урало-сибирский материал фрагментарно. Изыскания по теме в рамках восточных провинций империи остаются в руках краеведов. В интересующем нас ключе более или менее интересные работы и публикации, появившиеся в это время, касаются вопросов организации горнозаводского управления на Урале, рассмотренных в отрыве от общего контекста реформ управления. Первым из историков, сформулировавших необходимость изучения систем управления в каждой из отдельных областей России, был Ю. В. Готье. Общая обстановка, сложившаяся в русской исторической науке начала XX в., обещала очень хорошие перспективы в освоении интересующей нас темы, но события, связанные с резкой сменой общественно-политического устройства страны, прервали этот процесс.

Второй период (советский), также состоявший из двух этапов

1-й этап – 1920-е – 1950-е гг. Характеризовался, помимо прочего, полным пересмотром приоритетов научного поиска, агрессивным становлением новых идеологических и теоретических установок в исторической науке, радикальной сменой научных кадров. Классическая история государственного управления, или, лучше сказать, история государственных учреждений, как и ряд других традиционных для русской историографии исследовательских проблем, на несколько десятилетий отошла на второй план. Продолжавшие свои занятия в этом русле «буржуазные» историки, т. е. представители дореволюционных школ, работали в крайне трудных условиях, порой – под угрозой собственной безопасности. Только в конце 30-х и в 40-е гг. XX в., в связи с потребностями режима «утилизировать» досоветскую историю в интересах пущего идеологического обоснования

собственной власти¹⁵ и в связи с необходимостью поддержания патриотического подъема народа в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, дается «добро» на публикацию ряда работ, посвященных, в том числе, петровскому времени и петровским реформам государственного управления¹⁶. Тем не менее, формирование новых проблемных направлений, первоначально – в виде «побочного эффекта», стимулировало изучение некоторых аспектов государственного управления на Урале и в Сибири, в том числе – в петровское время. Так, например, изучение истории рабочего класса и классовой борьбы объективно вынуждало обращаться к истории горной промышленности на Урале, к фигурам В. Н. Татищева и В. И. Геннина, и выходить, таким образом, на историю отраслевого управления. Задача изучения истории народов СССР, в том числе – в контексте колониальной политики царизма, ставила проблему организации власти в колонизируемых окраинах, в частности, на Урале и в Сибири. Так, сначала «фоново», а со временем – все более целенаправленно и объективно, стала формироваться традиция отечественной исторической регионалистики, в том числе – сибиреведения и ураловедения, в рамках которых, в той или иной степени находилось место и сюжетам административной истории. Большую роль в этом процессе сыграло открытие на востоке страны университетов и академических учреждений. Однако специальных и систематических трудов по истории местных учреждений края создано так и не было, а органы горнозаводского управления по преж-

¹⁵ В 20-е – первой половине 30-х гг., в период господства «школы М. Н. Покровского», партийные идеологи и обществоведы в досоветской истории не нуждались вовсе, если она не имела отношения к истории революционной борьбы. См., например: *Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века. С. 144–145.

¹⁶ Это, например, последний капитальный (и незавершенный) труд академика М. М. Богословского, изданный посмертно (*Богословский М. М.* Петр I. Материалы к биографии. М., 1940–1948. Т.1–5), второй том фундаментальной монографии Ю. В. Готье, вышедший без малого тридцать лет спустя после первого тома (*Готье Ю. В.* Реформа областного управления от Петра I до Екатерины II. М.; Л., 1942. Т. 2), историографическое исследование Б. И. Сыромятникова «“Регулярное” государство Петра Первого и его идеология» (М.; Л., 1943. Ч. 1), документальные публикации В. И. Лебедева и Н. А. Воскресенского (*Лебедев В. [И.]* Реформы Петра I. Сб. док-тов. М., 1937; *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т.1). В эти же годы начинают издавать исследования по петровской эпохе молодые историки, чье профессиональное становление приходится на начало 30-х гг., например, Б. Б. Кафенгауз, один из ранних очерков которого касался, хотя и в популярной форме, вопроса административных реформ первой четверти XVIII в. (*Кафенгауз Б. Б.* Петр I и его время (1672–1725). М., 1948) и Г. Н. Анпилов, автор двух любопытных и редких по тем годам статей об отдельных институтах государственной власти и надзора (*Анпилов Г. Н.* Губернские комиссары при Петре I: 1711–1718 гг. // Доклады и сообщения истфака МГУ. 1948. Вып.8; *Он же.* Фискалитет при Петре I // Вестник Московского ун-та. Историко-филологическая сер. 1956. Вып.2).

нему воспринимались вне общего административного контекста и исключительно как руководящая структура производства¹⁷.

2-й этап – конец 1950-х – начало 1990-х гг. Первая половина этого периода была ознаменована “поиском новых возможностей в марксистской теории”¹⁸, оживлением научной мысли; эти годы дали импульс дискуссиям последующего полутора десятка лет и актуализировали, в контексте новых исследовательских проблем, изучение петровских реформ государственного аппарата, равно как и изучение истории государственного управления в целом. В частности, большим проблемным полем, в рамках которого нашлось место теме государственных преобразований Петра Великого, стала дискуссия о природе российского абсолютизма. Началом этой дискуссии можно считать выход в свет сборника научных статей в честь Б. Б. Кафенгауза¹⁹. Дальнейшее ее развитие было стимулировано более масштабной по тематическому охвату Всесоюзной дискуссией о переходе от феодализма к капитализму 1965 г. Стенограмма заседаний и материалы выступлений этой дискуссии были опубликованы четыре года спустя²⁰. Крупные проблемы, поднятые в ходе публичной полемики, потребовали более углубленного осмысления, что привело к возвращению в конце 1960-х–1970-е гг. к обсуждению особенностей абсолютизма в России на страницах научной периодики и к проведению в те же годы дискуссии о крестьянских войнах в России (как в очном – научные сессии по истории крестьянских войн, так и в заочном – в печати, вариантах)²¹. Работы, в которых в той или иной степени затрагивалась тема преобразований государственного управления (в том числе и местного уровня) в первой четверти XVIII в. и появившиеся в 70–80-е гг. XX в., были заметно разными по своему масштабу, характеру, исследовательской стилистике; среди них были конкретно-исторические и обобщающие труды, статьи и монографии²². Наиболее важные труды в

¹⁷ Подробнее см.: Пензин Э. А. Органы управления горнозаводской промышленностью Урала XVIII в. в советской исторической литературе // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск, 1988.

¹⁸ Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. С. 258.

¹⁹ Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). Сб. статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М., 1964.

²⁰ Переход от феодализма к капитализму в России. (Материалы Всесоюзной дискуссии). М., 1969.

²¹ Материалы дискуссии о российском абсолютизме, как имеющей прямое отношение к теме настоящей работы, см.: Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // ИСССР. 1968. № 2; Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // ИСССР. 1968. № 4; Шапиро А. Л. Об абсолютизме в России // ИСССР. 1968. № 5; Волков М. Я. О становлении абсолютизма в России // ИСССР. 1970. № 1.

²² Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964; Она же Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формирова-

плане постановки проблем, методов и подходов изучения истории местного государственного аппарата рубежа XVII–XVIII вв. и первой трети XVIII в., в том числе для исследований петровского периода, принадлежали перу Н. Ф. Демидовой, С. М. Троицкого, Е. В. Анисимова, А. Н. Медушевского. Рассматривая интересующую нас проблематику в русле теории абсолютизма, они не только ввели в научный оборот большое количество новых источников, реконструировали структуру управления, но разработали новые направления в изучении истории госучреждений, в частности, через исследование социального облика бюрократии, принципов организации управления, подготовки кадров, материального обеспечения чиновничества и т. п.

Параллельно, в эти же годы, в рамках региональной урало-сибирской истории, свет увидели работы конкретно-исторического и обобщающего характера, раскрывавшие различные аспекты интеграции восточных территорий в состав Российского государства, в том числе – с точки зрения организации управления. Хотя многие из них были выполнены в хронологии XVII в., они имеют важное значение и для историка петровских реформ, поскольку создают определенные базовые модели изучения госаппарата на региональном уровне²³. Тем не менее, те научно значимые результаты, которые были достигнуты на ука-

нии абсолютизма. М., 1987; *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1964 (в частности, первая глава, посвященная обзору управления финансами в России XVIII в.); *Он же.* Материалы переписи чиновников 1754–1756 гг. как источник по социально-политической и культурной истории России XVIII в. // АЕ за 1967 год. М., 1969; *Он же.* Социальный состав и численность бюрократии России в середине XVIII в. // ИЗ. 1972. Т. 89; Россия в период реформ Петра I / Отв. ред. Н. И. Павленко. М., 1973; *Стешенко Л. А., Софроненко К. А.* Государственный строй России в первой четверти XVIII в., М., 1973; *Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982; *Голикова Н. Б., Кислягина Л. Г.* Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987; *Вдовина Л. Н.* Право и суд // Там же; *Медушевский А. Н.* Развитие аппарата управления России в первой четверти XVIII в. // ИСССР. 1983. № 6; *Он же.* Источники о формировании бюрократии в России первой четверти XVIII в. // Источниковедение отечественной истории. 1989 г. М., 1989 и др.

²³ Это исследования по хозяйственной колонизации и заселению края, содержащие, помимо прочего, отдельные сведения по организации управления, например: *Устюгов Н. В.* Основные черты русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. *Кабузан В. М., Троицкий С. М.* Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962; *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963; *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М., 1964; *Громыко М. М.* Западная Сибирь в XVIII веке: Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965; *Преображенский А. А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956; *Он же.* К вопросу о миграциях населения на Урале и в Западной Сибири в XVII – начале XVIII в. // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966; *Он же.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972; *Кондрашенков А. А.* Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Челябинск, 1966, 1969. Часть 1–2; *Колесников*

занном этапе историографии, не привели к созданию целостного исследования по административной истории Урала эпохи петровских реформ. Примечательно, в этом отношении, что в обобщающем труде по истории региона – «Истории Урала с древнейших времен до 1861 г.» (М., 1989), даже нет раздела или хотя бы параграфа, посвященного общему управлению в первой половине XVIII в.

Третий период(современный). 1990-е – 2000-е гг. Проблема исследования петровских реформ местного государственного управления оказалась в двойственной ситуации. С одной стороны, благодаря развитию петроведения в целом, смещению акцентов, в том числе – методологических, в изучении административных процессов в России рубежа XVII–XVIII вв. и первой четверти XVIII в. (от изучения учреждений к изучению бюрократии, к постепенному формированию, если угодно, историко-антропологического интереса, усилению просопографической составляющей), освобождению от схоластических пут марксистско-ленинской риторики, появились условия для создания разносторонних и уг-

А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973; Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма): Сб. статей. М., 1973; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982 и многие др.; работы по истории социальной организации, управлению и самоуправлению на Урале и в Сибири в предпетровское и раннее (предреформенное) петровское время: *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988; *Покровский Н. Н.* Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989; *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. Я оставляю за скобками обширный круг статей по этой тематике (в том числе принадлежащих перу названных авторов), а так же работы, созданные на восточносибирском материале – в противном случае, пришлось бы слишком отклониться от основного вектора повествования; наконец, немногочисленные сочинения, относящиеся к интересующей нас тематике в рамках XVIII в., правда, не вполне подходящие по хронологии и географии настоящего исследования: кандидатская диссертация Л. С. Рафиенко «Управление Сибирью в 20–80-е годы XVIII в», защищенная в Новосибирске в 1968 г., небольшие фрагменты в «Истории Сибири» (история Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 136–138, 300) и монография Ф. Г. Сафронова «Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население» (М., 1978). Специфическую функцию государственной власти – политический сыск, исследовал на сибирском (в т. ч. – западносибирском) материале петровского времени Н. Н. Покровский: *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск. 1974; *Он же.* Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI – XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983; *Он же.* Книги тарского бунта 1722 г. // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986; *Он же.* Законодательные источники петровского времени о «слове и деле государевом» // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. Эти работы, помимо прочего, в узком контексте настоящего обзора, интересны тем, что раскрывают некоторые аспекты деятельности губернского руководства Сибири в первые годы провинциальной реформы (в первую очередь в связи с подавлением тарского бунта и проведению розыска по горячим следам событий).

лубленных монографических исследований отдельных аспектов эпохи петровских преобразований. С другой стороны, таких исследований относительно Урала и Сибири до конца XX в. так и не было создано; да и в целом история местной власти и управления занимала сравнительно небольшое место в общем объеме региональной проблематики. Так, например, из 302 сибиреведческих диссертаций, защищенных в последнем десятилетии XX в., только 43 (около 14,2%) относились к различным сюжетам истории управления в Сибири разных периодов²⁴. Ситуация стала медленно меняться на рубеже XX–XXI вв., особенно в 2000-е гг., когда, наряду с ростом интереса к петровским реформам центрального аппарата и истории бюрократии XVIII в., проявившемся в издании целого ряда разноплановых, но в большинстве своем методологически продуктивных, информационно насыщенных и литературно ярких работ²⁵, начал формироваться круг специальных исследований по ад-

²⁴ Разгон В. Н. Современное историческое сибиреведение: тенденции последнего десятилетия // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2002. С. 12–13.

²⁵ Среди них статьи, монографии, учебные пособия, посвященные истории организации государственной службы в целом (например: Румянцева М. Ф. Государственная служба в период становления Российской империи // Архипова Т. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России XVIII–XX вв. М., 1999); отдельным центральным учреждениям: Юстиц-коллегии, Вышнему суду, прокуратуре и фискалитету, центральным чрезвычайным комиссиям (например: Серов Д. О. Забытое учреждение Петра I: Вышний суд (1723–1726) // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000; Он же. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.). Историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002; Он же. Фискальская служба в России: зигзаги исторического пути (1711–1729 гг.) // Вестн. НГУ. Сер. Право. 2005. Т.1, вып. 1; Балакирева Л. М. Судебная реформа Петра I. Юстиц-коллегия. Новосибирск, 2003; Бабич М. В. Комиссии как государственные учреждения петровской эпохи // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000; Она же. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003); феномену российской бюрократии, отдельным ее категориям и представителям (Писарькова Л. Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // ОИ. 1996. № 4; Она же. Российская бюрократия в XVII–XVIII веках // ОИ. 2005. № 4; Серов Д. О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996; Он же. Высшие администраторы под судом Петра I (Из истории уголовной юстиции России первой четверти XVIII в.) // Известия УрГУ. 2005. № 39. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 10); Выдающиеся губернаторы Тобольские и Сибирские / Сост. С. Пархимович и С. Туров. Тюмень, 2000; Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 2001; Манько А. В. Блюстители верховной власти: Институт губернаторства в России. Исторический очерк. М., 2004; наконец, рядовым людям петровской эпохи, среди которых, безусловно, жили и выполняли свои служебные обязанности чиновники (Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004). Несомненным событием стал выход в свет словаря-справочника “Государственность России”, большого совместного труда историков и архивистов – сотрудников федеральных архивов (Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. М., 1996. Кн. 1, 1999. Кн. 2, 2001. Кн. 3–4; Государственность России: Словарь-справочник. Кн. 5, ч. 1. (А – Л). М., 2005). Хотя не все статьи словаря равноценны по содержанию, в совокупности они дают

министративной истории Урала и Сибири петровского времени. Среди них появились и углубленные труды по отдельным отраслям местного управления: горнозаводскому на Среднем Урале (Н. С. Корепанов), по военно-административному в Зауралье (В. В. Менищikov, В. Д. Пузанов), по судебному (Е. В. Бородина), по воеводскому уровню управления с частичным использованием уральского материала (Д. А. Ананьев) так и по общей эволюции административно-территориального деления и управления краем, так сказать, в панорамном диапазоне XVII–XIX вв. (Побережников И. В., Зубков К. И.)²⁶. Но ближе всего к проблеме настоящего диссертационного исследования подошел М. О. Акишин, создавший ряд работ, которые могут считаться первым систематическим исследованием

разностороннее и максимально полное представление об учреждениях и должностях управления Российского государства, в том числе – в петровскую эпоху.

²⁶ *Корепанов Н. С.* Уральское горное управление в XVIII – начале XX в.: исторический опыт // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3; *Он же.* Формирование экономического пространства Екатеринбургского ведомства в 20–30-е гг. XVIII века // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков. Мат-лы III региональной научн. конференции. 19–20 ноября 1998 г. Новосибирск, 1998; *Он же.* В раннем Екатеринбурге (1723–1781). 3-е изд. Екатеринбург, 2001; *Он же.* Екатеринбургское ведомство – опыт экономического районирования в XVIII в. // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург, 2003. Вып. 2; *Менищikov В. В., Никитин В. А., Павлуцких Г. Г.* Социально-политическая история Южного Зауралья в XVII – XIX вв. Курган, 1994; *Пузанов В. Д.* Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI – начало XIX в.) // История Курганской области. Курган, 2002. Т. 7; *Он же.* Военный округ на юге Тобольского уезда (конец XVII – начало XVIII в.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI веков. Мат-лы VI Всероссийской научн. конференции. 22–24 марта 2006 г. Новосибирск, 2006; *Бородина Е. В.* Тобольский надворный суд в 20-е годы XVIII в. // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории. Екатеринбург, 2004; *Она же.* Об особенностях ведения судебного процесса на Урале и в Западной Сибири в период второй областной реформы Петра Великого // ПИР. Екатеринбург, 2005. Вып. 6; *Она же.* Неизученные проблемы второй административной реформы Петра Великого // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI веков. Мат-лы VI Всероссийской научн. конференции. 22–24 марта 2006 г. Новосибирск, 2006; *Ананьев Д. А.* Приказные служители воеводских канцелярий Сибири (XVIII в.): численность и состав // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск, 2004; *Он же.* Воеводы в судебной системе Сибири XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2; *Он же.* Воеводское управление Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 2005; *Побережников И. В.* Урал в XVIII–XIX вв.: эволюция административно-территориального устройства // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность. Мат-лы Международной научно-практической конференции «Реформирование государственной службы в России: проблемы и пути их решения». 20–21 ноября 2001 г. Екатеринбург, 2001; *К. И. Зубков, И. В. Побережников.* Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII – XX вв.). Екатеринбург, 2003.

по истории петровских госучреждений в Сибири²⁷. Внушительный архивный материал, яркие биографии ряда сибирских чиновников первой четверти XVIII в. делают его труды интересными и значимыми в ряду сибиреведческой (и не только) литературы. В них содержится немало полезного и для изучения уральской ситуации. Но хотя уральские территории входили в изучаемый период в состав Сибирской губернии, сибирский формат книг М. О. Акишина территориально ограничен в западных пределах и практически не распространяется на Соликамскую и Вятскую провинции. Это же обстоятельство (географические рамки) сместило акценты в изучение ряда властных структур: менее важные для сибирского контекста (такие, например, как горнозаводские администрации), оказались, в известном смысле, на периферии авторского внимания. Кроме того, в работах остались без внимания многие институты, одинаково важные как для сибирской, так и для уральской региональной истории (губернские комиссары, канцелярия Сибирской губернии в Москве, губернское ландратское управление, дистриктные учреждения разной ведомственной принадлежности и т.п.).

Приведенный обзор литературы, имевшей то или иное значение для развития темы настоящего исследования, показывает, что история петровских реформ местного управления на Урале освоена, что называется, в самом первом приближении. Не имея длительной историографической традиции, она нуждается не только в каком-то целостном осмыслении (в том числе – в общероссийском масштабе), но в «элементарном» написании, по возможности точном восстановлении фактологической основы событий. Намереваясь проделать эту работу, мы, вместе с тем, не забывали слова Ю. В. Готье, сказанные им по сходному поводу: «Такая работа будет покоиться на крепких устоях изучения областного управления предшествующих эпох»²⁸.

Параграф 1.2. «Источниковая база исследования». Источниковая база настоящего исследования формировалась, в первую очередь, путем выявления необходимых документов, отложившихся в ходе деятельности изучаемых учреждений – канцелярий и контор различного ранга и ведомственного подчинения, дислоцировавшихся, в рамках интересующего периода, на западных территориях Сибирской губернии. Ядро отобранного источникового массива составили целостные архивные комплексы ряда провинциальных учреждений, уездных (воеводских, комендантских) канцелярий, контор дистриктного уровня, и учреждений специального управления, которые позволили воссоздать достаточ-

²⁷ Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996; Он же. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003.

²⁸ Готье Ю. [В.] История областного управления в России... С. 3.

но полную картину функционирования аппарата местного управления и его трансформации в годы реформ. Комплектование источниковой базы происходило на основе трех архивохранилищ страны: Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного архива Свердловской области (ГАСО) и Государственного архива Тюменской области (ГАТО). В результате исследования более 20 фондов нами были использованы документы: РГАДА, из фондов 16 (Госархив. Разряд XVI), 24 (Госархив. Разряд XXIV), 214 (Сибирский приказ), 248 (Сенат и его учреждения), 415 (Сибирская губернская канцелярия), 425 (Вятская провинциальная канцелярия), 1111 (Верхотурская приказная изба), 1113 (Вятская приказная изба); ГАСО, из фондов 24 (Уральское горное управление), 29 (Уктусский золотопромышленный завод), 34 (Екатеринбургская контора судебных и земских дел), 42 (Каменская земская контора), 129 (Н. К. Чупин), 570 (Камышловская земская контора), 571 (Крутихинская земская контора), Ф. 575 (Арамильская земская контора); ГАТО, из фондов И-47 (Тюменская воеводская канцелярия), И-166 (Тюменский полковой штабной двор), Ф. И-181 (Тюменская канцелярия судебных дел Тобольского надворного суда), И-224 (Тюменская земская контора), всего – около полуторасотен дел, а также деловая переписка генерала В. И. Геннина с Петром I и кабинет-секретарем императора А. В. Макаровым, опубликованная в сборнике: Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Сост., вступит. статья, ком. М. О. Акишина. (Екатеринбург, 1992). Дополнительную информацию предоставили нормативно-законодательные источники, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (т. 4–9), сборников РИО, «Памятников сибирской истории» и выборочно – из ряда других тематических сборников.

С точки зрения классификации источниковая база исследования получилась весьма разнообразной. Абсолютно преобладающими в ее составе оказались документальные источники, представленные всеми своими основными видами и многочисленными разновидностями. Как того требовал сам объект исследования, наиболее широко в процессе работы нами использовались канцелярские источники: документы внутреннего (учетно-контрольные и справочные) и внешнего (входящие и исходящие всех видов, за исключением законодательных) документооборота. Второе место по масштабу привлечения заняли актовые источники, представленные законодательным материалом – разными формами именных указов, указами правительствующего Сената и Верховного тайного совета. Наконец, относительно небольшое по объему, но очень важное место среди источников принадлежит статистическим: статистике народонаселения (данные переписей, в первую очередь – переписи 1710 г.), финансовой (расходные книги и записи) и служебной статистике (документы по личному составу – различные формы штатных расписаний и доношений о

кадровом состоянии учреждений, разборные росписи Разрядного стола Сената и Герольдии, реестры и списки должностных лиц, табели должностных окладов). Повествовательные источники сильно уступают в настоящем исследовании документальным как в количественном отношении, так и в информационном значении. Наиболее широко нами использовались выдержки из опубликованных путевых описаний Г.-Ф. Миллера, географических описаний С. Ремезова и Л. Зайцева; единично – источники личного происхождения (вроде «Духовной» В. Н. Татищева или записок иностранных резидентов при русском дворе, последнее – в порядке иллюстраций). Достоверность привлеченных источников определяется тем, что абсолютное их большинство – первичные материалы документооборота изучаемых канцелярий, а сведения, содержащиеся в них, как правило, взаимопроверяемы. Сформированная источниковая база и примененные методы источниковедческого исследования позволяют решить поставленные исследовательские задачи, а осознание потенциала архивных резервов стимулирует дальнейшие изыскания.

Глава 2. «Государственное управление на Урале в период первой областной реформы. 1711–1719 гг.» состоит из двух параграфов. В главе произведена реконструкция системы коронного управления всех уровней в западных (приуральских, уральских и зауральских) уездах новоучрежденной Сибирской губернии с первых месяцев ее существования до ее реорганизации в связи с началом второй областной (провинциальной) реформы. Оценивая сам процесс первого учреждения губерний, мы солидаризируемся с мнением ряда дореволюционных историков, указывавших, во-первых, на приоритет фискально-финансовых интересов, побудивших Петра I ввести губернское деление; во-вторых, на преемственность губернского устройства по отношению к предшествовавшим системам областного управления. При этом мы подчеркиваем, что первые петровские губернии не были институтами, созданными методом развития того или иного конкретного типа учреждений, существовавшего в XVII в. Но они, несомненно, строились с учетом общего административного опыта, накопленного в России к концу XVII в. – другого в распоряжении царя-реформатора к тому времени просто не было. Поэтому в губерниях можно усмотреть признаки, характерные и для разрядной системы во всех ее вариациях, и для приказной организации. Зарубежные заимствования, которыми постепенно проникался реформатор, реального влияния на ход государственного строительства на востоке государства не имели.

Параграф 2.1. «Формирование и эволюция губернского звена управления». Параграф посвящен исследованию структуры высших губернских учреждений и должностей: восстановлению их общей номенклатуры, истории возникновения и эволюции, выяснению сферы компетенции, системы соподчиненности, персональному замещению штатных

вакансий и т. п. В результате проведенного исследования впервые удалось реконструировать историю создания и функционирования института губернских комиссаров при Сенате и армии, определить статус и круг полномочий канцелярии Сибирской губернии в Москве, рассмотреть ход ландратской реформы в Сибирской губернии и выяснить роль и место ландратуры в процессе управления уральскими уездами.

Общая структура управления губернией выглядела следующим образом. Вся полнота власти сосредоточивалась в руках губернатора. Его всесилие определялось не только и не столько текущим законодательством, сколько совокупностью обстоятельств, среди которых важнейшими были живучесть принципов приказно-воеводского управления и личные качества и связи первого сибирского губернатора – кн. М. П. Гагарина.

Корпус высших губернских чиновников Сибири включал в себя ландрихтера, тобольского обер-коменданта и тобольского ландрата. Ландрихтер возглавлял мощное губернское представительство в столице: канцелярию Сибирской губернии в Москве (КСГМ) и постоянно находился там, числясь на службе «в Сибири». Он выполнял функции вице-губернатора, так и не назначенного в Сибирь в период первой областной реформы. Тобольский обер-комендант, третье лицо губернской иерархии, во время частого отсутствия губернатора и постоянного отсутствия ландрихтера, нес ответственность за состояние дел в губернии. Ввиду слабой разделенности служебной компетенции, обер-комендант имел отношение к осуществлению общего управления, но сосредоточивался, главным образом, на военном руководстве. Для урало-сибирского региона, остававшегося в условиях продолжающейся колонизации азиатской части страны пограничным и располагавшим гарнизонами во всех городах и ряде негородских поселений, военная составляющая управления была крайне важной. Поэтому весь комплекс хозяйственных, финансовых и мобилизационных проблем, стоявших перед любой губернской администрацией того времени, невозможно было возложить только на обер-коменданта. Эти функции оказались в руках тобольского ландрата. Должность губернского ландрата не предусматривалась государственным правом изучаемого периода. Ее роль определилась под влиянием ряда случайных обстоятельств, в том числе – своеобразного течения ландратской реформы, которая в сибирских условиях реализовывалась по собственному сценарию, не только отличному от законодательных установлений, но и от практики, свойственной другим российским губерниям. Ни ландратского совета, ни ландратского присутствия образца 1715 г. на востоке страны создать не удалось. Единственным, таким образом, реально действующим органом ландратуры стала Тобольская ландратская канцелярия, а тобольский ландрат занял исключительно высокое место в системе губернского управления изучаемого периода. Тобольский ландрат был ниже по рангу по сравнению с ландрихтером и обер-

комендантом. Подчиняясь первому и формально, и фактически, он уступал второму в старшинстве, но не являлся его подчиненным в силу различных предметов ведения, заняв нишу, предусмотренную в других губерниях для обер-комиссара и обер-правиянтмейстера.

При каждом из высших должностных лиц Сибирской губернии функционировали канцелярии, чье влияние обуславливалось рангом их непосредственного руководителя и текущими обстоятельствами. Под началом губернатора действовали походная канцелярия и Тобольская большая канцелярия. Первая, реализовывавшая губернаторскую волю во время его частых поездок, сама по себе не представляла сколько-нибудь влиятельного учреждения, поскольку функционировала в качестве временной структуры. Судя по имеющимся сведениям, она была укомплектована только приказными кадрами среднего и низшего ранга, что подчеркивало ее «технический» характер. Тобольская большая канцелярия была губернской в строгом смысле слова. В идеале именно она должна была являться постоянной служебной резиденцией губернатора. Но частые и длительные отлучки последнего приводили к тому, что эта канцелярия оказалась в оперативном руководстве дьяка-секретаря и под надзором губернских чиновников, имевших собственные канцелярии и особую сферу компетенции. Это привело к тому, что, приблизительно до 1719 или даже 1720 г. наибольшее влияние отошло к КСГМ. Будучи представительством губернии при высших и центральных органах власти, КСГМ являлась местным учреждением, подчиненным губернатору и осуществлявшим функции по распределению материальных, людских и документационных потоков между Сибирью и «указными местами». В тесном служебном взаимодействии с КСГМ, а быть может и в ее штате, находились губернские комиссары при Сенате и приписных армейских полках. Штат этот по Сибири был полностью укомплектован (2 комиссара при Сенате и 5 – при полках, поставленных на содержание Сибирской губернии) и подвергался периодической ротации. Институт губернских комиссаров был одним из важнейших в общем механизме той властной системы, которую пытался в означенное время создать Петр I. Очевидная связь этих чиновников (происходивших из придворных московских чинов: стольников и жильцов) с КСГМ, их подведомственность сенатским структурам, сама по себе придавала исключительный вес канцелярии Сибирской губернии, возглавлявшейся вторым лицом в губернской иерархии, выделяя ее из круга других губернских учреждений. Все это предопределило старшинство сибирского представительства в столице над губернской канцелярией в Тобольске.

Свои канцелярии были у тобольских обер-коменданта и ландрата, но если первая (в силу специфики служебной компетенции ее руководителя), в меньшей степени была связана с общим управлением региона, то вторая настолько вплотную оказалась включена в

организацию обширных хозяйственно-финансовых процессов, что в известной степени стала дублировать функции Тобольской большой канцелярии, оттесняя ее на второй план в качестве инстанции, контролирующей отчетность канцелярий низового звена управления.

Параграф 2.2. «Низовое звено государственного управления краем» посвящен аналогичной реконструкции структуры коронного управления в 10 западных уездах Сибирской губернии. Отличительными чертами организации регионального управления на низовом уровне следует отметить:

- отсутствие в административно-территориальной системе деления ландратских долей, в связи с чем ландраты Сибирской губернии, подавляющее большинство которых служили именно в уральских уездах, не получили какой-либо особой компетенции, а использовались в качестве уездных комендантов, иногда сохраняя наименование ландрата, а иногда – нет. Лишь немногие из них были привлечены к проведению ландратской переписи 1715–1717 гг. и в большинстве случаев со своей миссией не справились.

- наличие развернутой системы коронного управления на уровне ниже уездного: пригородки и станы Вятского уезда, заводы, остроги и слободы Верхотурского, Тобольского, Туринского и Тюменского уездов. Исторически сформировавшаяся сложная структура административно-территориального деления ряда уральских уездов побуждала губернские власти конструировать такое управление, которое не вписывалось в законодательно предусмотренные схемы. На присуды-округа, статусно ниже уездных, назначались управители в рангах комендантов (пригородков, заводов, острогов). В связи с этим, коменданты ряда уездов (Вятского, Соликамского, Тобольского) объективно получали статус и полномочия обер-комендантов, хотя не обладали этим званием.

Таким образом, можно резюмировать, что эволюция территориальной и связанной с ней управленческой систем происходила на Урале под влиянием местных условий жизни и являлась продолжением процессов, берущих начало в особенностях русской колонизации восточной части страны предшествовавших столетий, в том числе – XVII в. Влияние же текущего административного законодательства 1711–1719 гг. сказалось только в том, что местная практика усвоила лишь несколько новых служебных терминов (обер-комендант, комендант, ландрат), не наполнив их новым содержанием. К концу 1710-х гг. на Урале сложилась законодательно не закреплённая, но реально действующая трехступенчатая система: провинция, уезд и административно-территориальные образования, бывшие статусно ниже уездов, но подобно им возглавляемые коронными администрациями. Такая система в дальнейшем создала объективные предпосылки для формирования управленческой структуры, более соответствующей тому административному законода-

тельству, которое заложило основу реорганизации местной власти в период второй областной реформы и даже после нее. Вятка, Соликамск и Тобольск по закону приобрели значение провинциальных центров. Старая сеть уездов в целом сохранила свое положение, распределившись между Вятской, Соликамской и Тобольской провинциями, а низшие территории образовали новые единицы – дистрикты.

Глава 3. «Вторая областная реформа и ее реализация на Урале. 1719–1727 гг.» включает в себя три параграфа, в которых подробно восстанавливается структура общего и специального государственного управления (включая надворный суд), появившаяся на Урале в ходе провинциальной реформы; отмечаются проблемы межведомственного взаимодействия учреждений разного подчинения и рассматриваются причины тех затруднений, с которыми столкнулась власть в ходе реализации реформ; комментируется ситуация, возникшая в административном пространстве края после ликвидации большей части специальных местных учреждений в 1726–1727 гг.

Параграф 3.1. «Воплощение принципов камерализма: теория и практика». В параграфе, через призму камералистской теории, анализируются основные законодательные акты 1720-х гг., определявшие организацию новых административных структур и полномочия новых должностных лиц местного коронного аппарата; реконструируется процесс реального государственного строительства на губернском и провинциальном уровнях. В работе впервые подробно и последовательно восстановлена картина смены власти и замещения вакансий в новой руководящей номенклатуре Вятской, Соликамской и Тобольской провинций. Хотя реорганизация управления началась в Сибири не намного позднее, чем в целом по России (октябрь-ноябрь 1719 г.), она сильно затянулась и в течение более четырех лет губерния находилась без устойчивого руководства. Только к середине 1723 г. организация высшего звена управления в Сибирской губернии вроде бы состоялась. Формально, руководящий состав был укомплектован: губернатор олицетворял собой общее управление губернией; его власть распространялась не только на собственно “сибирские города”, но и на приуральские провинции. С появлением специализированных коллегий терял смысл институт губернских комиссаров при Сенате и армии. Упорядочилась иерархия учреждений, среди которых неоспоримо первенствующее место заняла Тобольская губернская канцелярия; не вписывались в новые структуры власти канцелярия Сибирской губернии в Москве и возглавлявший ее ландрихтер. Вице-губернатор, будучи главой Тобольской провинции, в силу обстоятельств, одновременно выполнял роль заместителя губернатора в границах всего края. Специальное управление было представлено военными, податными и судебными чинами и учреждениями (тобольским оберкомандантом и его канцелярией, тобольским земским камериром и земской конторой,

рентмейстером с рентереей и надворным судом, успевшим за этот короткий срок пройти определенную эволюцию). По такой же схеме (за исключением судебного аппарата) к указанному хронологическому рубежу сформировалось руководство Вятской и Соликамской провинций. Общая структура управления, в принципе, соответствовала той, которая предусматривалась новым административным законодательством, хотя в некоторых районах характеризовалась определенными отступлениями (наличие воеводских ассессоров и комиссара камерирского правления на Вятке).

Но нельзя, не погрешив против истины, утверждать, что государственное строительство губернского/провинциального звена в регионе завершилось успехом. В конечном итоге, большая часть верхнего этажа этой административной конструкции оказалась призраком. Четыре с половиной года (с момента ареста кн. М. П. Гагарина) губернию сотрясала кадровая чехарда; устойчивого единоначалия, равно как и четко выраженного функционального разделения сфер ведения достичь не удалось, хотя бы в силу того, что различные отрасли власти постоянно оказывались в одних руках сменявших друг друга чиновников, большинство из которых исправляли должность губернатора (П. С. Карпова и В. П. Грекова, А. К. Петрово-Солового, А. М. Сухарева, кн. С. М. Козловского). Такая ситуация не могла не повлечь за собой, по меньшей мере, двух последствий: очередного нерегулируемого перераспределения властных полномочий между должностными лицами и учреждениями на уровне губернии/провинции и расширения возможностей для самоуправства администраций на уездном/дистриктном уровне. Все это и не замедлило сказаться в самом ближайшем времени, хронологически совпав со специфическим и неожиданным процессом формирования еще одной отраслевой системы власти, которой было суждено сыграть важнейшую роль в административной истории региона – системы горно-заводского управления.

Параграф 3.2. «Горнозаводская администрация: неожиданности ведомственного строительства». В параграфе история становления горнозаводской администрации Урала впервые реконструирована в контексте второй областной реформы. Показано, что роль и значение структур, созданных для руководства горно-металлургической отраслью, были гораздо весомее и шире технически-производственных. Из всех местных учреждений специального управления только берг-коллежские не были предусмотрены в планах реформаторов и не имели законодательного обеспечения. Но исключительная важность горно-промышленного комплекса и его организационная сложность, а также некомпетентность органов общего управления, которым были до 1720 г. подчинены казенные предприятия края, вынуждали Берг-коллегию предпринимать усилия по конструированию собственной отраслевой вертикали на местах. Весьма примечательно то, что в отличие от

систем общего, финансово-податного или судебного управления, местная горнозаводская структура была сформирована на основе местной же инициативы. В. Н. Татищев, в период своего первого назначения, в качестве комиссара Берг-коллегии, а позже – генерал-майор В. И. Геннин, как царский эmissар и глава чрезвычайной следственной комиссии, используя законодательство, регулировавшее основные принципы функционирования губернских, провинциальных и уездных администраций общего и специального ведения, создали по аналогии собственную систему административно-территориального деления и управления, подчиненную Берг-коллегии. В ходе этого процесса им пришлось столкнуться с резким противодействием со стороны практически всех властных структур губернского и провинциального рангов, почувствовавших в организационных мерах горных начальников вторжение в собственную сферу полномочий. В результате первая половина 1720-х гг. прошла на Урале не только в обстановке кадровой нестабильности высшего губернского руководства, но и в условиях острой межведомственной борьбы. Тем не менее, хуже всех обеспеченная на первых порах законодательной поддержкой, горная администрация сумела конституироваться и окрепнуть в исторически короткий срок – в течение, приблизительно, 4–5 лет. За то же самое время другие административные институты края едва-едва сумели стабилизироваться в структурном и кадровом отношении в соответствии с новыми планами правительства. Конечно, большую роль в становлении отраслевого промышленного руководства сыграли субъективные обстоятельства, таланты и неутомимость его первого руководства: В. Н. Татищева, В. И. Геннина и их помощников. Объем организационных работ, которые сумели выполнить эти люди, несопоставимо масштабней, а результат – продуктивней по сравнению с тем, что удалось достичь любым другим местным администрациям. Тем не менее, не сбрасывая со счетов «человеческий фактор», следует признать, что неожиданные успехи ведомственного строительства во многом определились самой *новизной предмета* административного регулирования – горнозаводской отраслью, наиболее предрасполагавшей к *новым формам* административного регулирования, основанным на принципах специализации, регламентации и унификации. Дело «нового основания», крупная металлургическая мануфактура, не была обременена грузом традиционной управленческой практики, и не соответствовала ей. Ее сложный комплексный характер и технико-технологическая составляющая требовали иной административной культуры, которую, по большому счету, не могла дать приказно-воеводская система. Уникальное совпадение теоретических камералистских установок, юридических норм и практической целесообразности привело к изумительной устойчивости региональной горной администрации.

Параграф 3.3. «Уральские дистрикты: многообразие модификаций». Параграф посвящен исследованию самой неясной административно-территориальной единицей петровского времени – дистрикту, и связанному с ним аппарату управления. Сложность изучения дистриктной системы иллюстрируется хотя бы тем, что вплоть до монографии М. М. Богословского, посвященной провинциальной реформе, в литературе путали камер-коллежские дистрикты, созданные в ходе этой реформы, и полковые дистрикты, декларированные в рамках податной реформы 1719–1724 гг. и появившиеся в 1724 г. Впрочем и до сего дня многие авторы продолжают путать эти образования, которые после М. М. Богословского никто специально не исследовал.

В результате предпринятых изысканий нам впервые удалось реконструировать систему уральских гражданских дистриктов и установить, что они существовали в виде нескольких модификаций, ни одна из которых в точности не соответствовала законодательно установленному образцу (впрочем, тоже не вполне ясному): 1) слободские дистрикты (наименование авторское. – *Д. Р.*), административно-территориальные единицы рангом ниже уездов, но находившиеся в подчинении камерирского и воеводского губернского/провинциального руководства. Объединяли в своем составе зауральские слободы, подчиненные до начала провинциальной реформы Тобольскому уезду. Находились под управлением земских комиссаров, обладавших, в рамках подведомственной территории, объемом полномочий, близких к воеводским, но с особым уклоном в податную сферу. 2) горнозаводские дистрикты, административно-территориальные единицы, составлявшие структуру «Екатеринбургского ведомства» – горнозаводской провинции в составе Сибирской губернии. Рангом ниже традиционных гражданских уездов. Объединяли в своем составе слободы (в основном, Верхотурского уезда), приписанные к казенным заводам. Структура горнозаводских дистриктов больше всего соответствовала законодательно предусмотренной, но их административный статус резко отличался от статуса других дистриктов тем, что они находились в ведомственном подчинении Берг-коллегии и ее регионального аппарата. Земские комиссары горнозаводских дистриктов ведали, в первую очередь, вопросами трудовых мобилизаций крестьян приписных селений. 3) дистрикты – административно-податные округа. Единственный пример в регионе – Тюменский дистрикт, существовавший в 1721–1725 гг. Территориально совпадал с Тюменским уездом, но управлялся особой земской конторой и земскими комиссарами, бывшими в непосредственном подчинении тюменских уездных воевод и в прямом – у камерирского и гражданского руководства губернии/провинции. Редкая и неудачная попытка последовательно-камералистской специализации управления на уровне уезда. 4) уезды-дистрикты – уезды, которые в русле общероссийской практики были механически переименованы в дистрик-

ты и на воевод которых были возложены дополнительные административно-податные функции. Наименование дистриктов (в качестве постоянного) за такими образованиями не закрепилось. В конечном итоге наиболее жизнестойкими оказались первые две модификации: слободские и горнозаводские дистрикты, эволюционировавшие в 1730-х–1780-х гг. в полноценные уезды.

Кроме упомянутых, на территории уральских уездов существовало 4 полковых дистрикта (Новгородского, Санкт-Петербургского, Тобольского и Московского армейских полков). Границы этих дистриктов, структура их управления (полковые штабные дворы) и должностная номенклатура: офицеры полковых дворов и «комиссары от земли», тоже стали специальным предметом рассмотрения. В результате нами дано первое связное описание этого явления на урало-сибирском материале, хотя, за недостатком источников, гораздо более гипотетическое и менее подробное, чем иные.

В целом можно заключить, что процесс становления новых административных структур, предусмотренных провинциальной реформой, шел в регионе очень тяжело и отличался сбоями и отклонениями. При этом трудности государственного строительства в период провинциальной реформы были в первую очередь связаны не столько с ее плохой теоретической проработкой – таковая имела и для условий времени была относительно сносной; и не столько с недостатком законодательной базы – при всех издержках она была несравнимо сильнее, чем в предыдущее десятилетие; сколько с несопоставимостью поставленных задач и имевшихся возможностей. Полное обеспечение новых учреждений даже руководящим составом было невозможным, выбор кандидатов давался с трудом, состоявшиеся назначения приходилось тут же отменять, латая кадровые дыры в других губерниях страны. На очень низком уровне оказались организационные возможности высших и центральных органов власти, в первую очередь – Сената и его учреждений: несмотря на постоянные смотры и разборы, учет личного состава велся плохо, люди «терялись», даже если не выезжали за пределы региона.

При этом ситуация на Урале показывает, что значительная часть создаваемых учреждений и должностей была избыточной. Действенными оказывались только те структуры, которые имели реальный предмет ведения и действительно были необходимы для решения вполне определенных управленческих задач (горнозаводская административная система и сеть слободских дистриктов в Зауралье). Обращаясь к актам 1726–1727 гг. легко проследить быструю эволюцию правительственных замыслов относительно реорганизации сети местных учреждений: если в сенатских докладах Верховному Тайному совету и императрице в 1726 г. речь шла только о частичной ликвидации некоторых звеньев провинциального коронного аппарата (в первую очередь – рентмейстеров) и об упрощении

системы нижних судов²⁹, то уже в начале 1727 г. высшая власть решилась на радикальные меры. Впервые озвученные в манифесте, прочтенном в Верховном Тайном совете 11 января 1727 г., а позже в основных своих положениях официально опубликованные в указах от 24 февраля и 15 марта того же года³⁰, они сводились к полной ликвидации «всех лишних управителей», их канцелярий и контор. Под «лишними управителями» понимались все должностные лица специального местного управления, в первую очередь – «камерные» и судебные чиновники; их полномочия передавались губернаторам и воеводам. Полагаем, что подобная реорганизация была во благо. Во-первых, в кои-то веки под систему местного коронного управления был, наконец, подведен единый и очень простой законодательный фундамент. Во-вторых, новая система областных учреждений, равно как и административно-территориального деления, оказалась организована в четкую, иерархически соподчиненную трехступенчатую структуру (уезд – провинция – губерния), чего не было ни в допетровский, ни в петровский периоды. Наконец, местная административная иерархия, избавленная от ведомственных «пристроек» разного рода, оставалась подчинена по предметам ведения специальным учреждениям центрального аппарата, сохранившим свой отраслевой характер: камералистские принципы специализации и коллегиальности управления были сохранены там, где они в наибольшей мере оправдали себя на практике.

Что означала эта реорганизация для Урала? В первую очередь, она, вольно или невольно, стимулировала дальнейший процесс его регионального обособления. Как и в России в целом, с 1727 г. в Сибирской губернии (реально этот процесс начался не раньше осени) стали упраздняться все структуры специального управления; все, кроме одной – горнозаводской. Ввиду специфики предмета ведения ее просто невозможно было ликвидировать. Сибирский обер-бергамт внезапно оказался в самых выгодных условиях – реформа 1727 г. устранила его главных административных конкурентов: надворный суд и Тобольскую камерирскую контору с подведомственными им учреждениями. Поскольку указом от 29 апреля 1727 г. Вятская и Соликамская провинции были переданы в состав Казанской губернии³¹, региональное горнозаводское управление стало единственной действенной структурой, которая продолжала держать под своим административным контролем приуральские, уральские и зауральские территории. К такому положению дел ведом-

²⁹ Сб. РИО. Т. 55. С. 413; ПСЗ. Т. 7. № 4928, 4929.

³⁰ Сб. РИО. Т. 63. № 15; ПСЗ. Т. 7. № 5017, 5033.

³¹ Готье Ю. [В.] История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1: Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. М., 1913. С. 106–108; Зубков К. И., Побе-режников И. В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003. С. 24.

ственную горную администрацию привели не только организационные усилия ее руководителей в первой половине 1720-х гг., но и изменившаяся обстановка конца 1720-х гг.

События 1727 г. оказались рубежными в организации областного управления как для России в целом, так и для ее восточных окраин. Изменения, узаконенные указами 1727 г., одновременно, стали и точкой в административных преобразованиях местного аппарата, проводимых Петром Великим, и тем началом, от которого пошел отсчет конструирования новых административно-территориальных реалий, в том числе – на Урале.

Глава 4. «Местная бюрократия и качество управления». Если в предыдущих главах основное внимание было сосредоточено на эволюции *структур* управления, то есть на внешней стороне административных преобразований, то глава 4, состоящая из четырех параграфов, посвящена вопросам, связанным с изучением качества управления. Последнее зависит от очень многих факторов. Но все их многообразие может быть разделено на две большие группы внешних и внутренних (условия внешней среды и организация управленческой системы). К первой группе могут быть отнесены факторы экономического (финансирование управления) и правового (законодательное регулирование) характера, социально-демографические (численность, плотность, мобильность населения, его социальная структура), природно-антропогенные (площадь и освоенность управляемых территорий, состояние коммуникаций) и другие факторы. Ко второй группе – рациональная внутренняя структура учреждений, правильная организация рабочего времени и документооборота, но главное – состояние чиновничества, его количественные и качественные характеристики: численность, профессиональная подготовка, мотивированность на оперативное, инициативное и добросовестное исполнение своих должностных обязанностей и т. п. Важность образованного, высоко квалифицированного, стабильного персонала системы управления как залога качества последней признается и современными теоретиками менеджмента, и историками государственных учреждений.

Параграф 4.1. «Состояние коммуникаций». Глава начинается параграфом, в котором, впервые в отечественной практике исследований государственного управления, решается вопрос о состоянии сухопутных транспортных коммуникаций как важном элементе системы управления. В рамках параграфа, на основании путевых (в том числе – академических) описаний, отчетов казенных курьеров о расходе прогонных денег и анализа деловой корреспонденции первой трети XVIII в., произведена реконструкция геометрии и протяженности внутрирегиональных и межрегиональных сухопутных трасс (как официальных ямских, так и обслуживавшихся в порядке несения повинности крестьянскими подводами). Проанализированы сроки прохождения этих трасс и обстоятельства, способствовавшие или препятствовавшие достижению оптимальных скоростей. Определяя,

вслед за Ф. Броделем и П. Шоню, худшие, средние и рекордные скоростные показатели и учитывая объективные обстоятельства, корректировавшие скорость передвижения в доиндустриальном обществе (плотность заселения территорий, качество дорог, сезонные флуктуации), мы, на основе собственных наблюдений, вводим понятие субъективных факторов движения. Под последними мы понимаем желание или нежелание чиновников оперативно передавать административную информацию. Причины высокого или низкого служебного рвения были разнообразны и определялись конкретными обстоятельствами, но общей чертой оказывалось то, что местное чиновничество ориентировалось, скорее, на средние и худшие показатели скорости движения, в то время как верховная власть, устанавливая контрольные сроки прохождения официальной корреспонденции (в частности, в Генеральном регламенте), ориентировалась на рекордные сроки. Оценка состояния транспортной сети Урала показала, что, хотя оно было неровным по отдельным внутрирегиональным районам, но в целом оказалось значительно лучше, чем в Сибири и сопоставимо с общероссийским и периферийным европейским (в частности, схожее качество сухопутной транспортной сети было характерно для Пиренеев). В своем стремлении поддерживать оперативную и бесперебойную связь с провинциями, центральная власть не хотела учитывать реальные проблемы состояния дорог, уповая на обязывающую силу указов. В свою очередь, местные администрации, оправдывая свое нерадение, всегда имели возможность отговориться пресловутой «дальностью расстояний». Что касается непосредственно Урала, то единственной структурой, проявлявшей интерес к улучшению и расширению дорожной сети, была горнозаводская администрация.

Параграф 4.2. «Численность и структура госаппарата: статистические характеристики». Второй параграф посвящен личному составу местных учреждений Урала. В нем произведена персональная реконструкция всех категорий местных чиновников, служивших в учреждениях края в период обеих реформ: восстановлена реальная численность и динамика воеводского (комендантского) и ландратского контингентов, корпуса губернских комиссаров, воевод и руководителей ведомственных учреждений периода второй областной реформы, дьяков (поименно) и подьячих (около половины состава – поименно). Исследование показало как общие тенденции, присущие динамике характеристик чиновничества в других губерниях России, так и определенные местные особенности. Так, например, нами было зафиксировано общее увеличение абсолютного числа региональной бюрократии (173 чиновника всех категорий в 1710-х гг. и 332 – в 1720-х гг.), в относительных величинах давшее почти двухкратный прирост. Наиболее активно росли показатели количества руководящего состава (за счет его низшего звена – земских, судебных, заводских и подчиненных комиссаров) и подьячих (в основном за счет низкоквали-

фицированной категории молодых подъячих); численность дьяков, служивших в учреждениях региона в период второй областной реформы, напротив, сократилась почти в два раза. Цифры эти примерно соответствуют среднероссийским показателям, имеющимся в литературе. В то же время, несмотря на двоекратный прирост, в сравнении с количеством управляемого населения численность коронного аппарата края оставалась ничтожно мала: 0,43 чиновника на 1 тыс. населения в 1710-х гг. и 0,46 на 1 тыс. – в 1720-х гг., что тоже отражает общие тенденции по России и подтверждает правоту предположения Н. И. Павленко, считавшего, что если при Петре I и произошло увеличение государственного аппарата, то оно было незначительным³². Еще одним важным обстоятельством было то, что воеводы и ландраты, управлявшие уездами Урала в период первой областной реформы, губернские комиссары, представлявшие Сибирь за ее пределами – цвет местного руководящего состава, в подавляющей своей массе комплектовались из той же среды, что и их предшественники в XVII столетии. Никакой кадровой революции в формировании этого контингента в 1710-х гг. не произошло. Случаи назначения дьяков в коменданты были слишком единичны, чтобы говорить о серьезной тенденции, да и они едва ли воспринимались современниками как нечто, из ряда вон выходящее. С другой стороны, важной новацией, на наш взгляд, стало то, что весь этот контингент был сформирован волей губернатора. В этом заключалось гораздо более значительное отличие от кадровой практики предшествовавшего столетия. Ни один глава территориального приказа не обладал подобной и при этом с определенного времени (с 1712 г.) *узаконенной* властью. Такое расширение властных полномочий губернатора было осознанным шагом со стороны реформатора и лежало в русле логики перераспределения полномочий и ответственности между центром и областью. Но последствия подобного шага с точки зрения успеха реформ, едва ли были положительными. М. О. Акишин точно заметил, что личный отбор воевод (и, добавлю от себя – ландратов и губернских комиссаров) и их непомерно долгая (нередко до 10–12 лет) служба в одном регионе, превратила их и весь сибирский госаппарат 1710-х гг. «в неформальную организацию преступников, отношения в которой строились на взятках нижестоящих чиновников вышестоящим и грабеже населения Сибири»³³. Тесно связанные друг с другом, в большинстве своем лично знакомые и очень немолодые люди³⁴, прошедшие приказную школу XVII века и сами дети XVII века, они не только, в силу это-

³² Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1998. С. 540.

³³ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 90.

³⁴ Среди перечисленных дворян, служивших на Урале воеводами и ландратами и чей возраст удалось установить по источникам, мне не попадались лица, моложе 48 лет. В массе своей это люди от 50 лет и старше.

го, не были пригодны служить проводниками хоть каких-то новых идей, но напротив, репродуцировали своим поведением те методы управления, которые пытался скорректировать и изменить монарх. Впрочем, в период первой областной реформы их природный “традиционализм”, наверное, вполне еще можно было терпеть; гораздо хуже стало потом, когда тому же контингенту было поручено внедрять в жизнь камералистские принципы. Разумеется, их персональный состав сменился, но эта смена в массе своей не стала принципиальной. Сибирские администраторы получили назначения в европейские уезды страны, а на их места прибыли те, кто по возрасту и управленческим навыкам редко отличались от предшественников.

Уникальным на этом фоне оказался только старший руководящий состав горного ведомства, что обуславливалось спецификой его деятельности. В первую очередь его членов отличало наличие специальной профессиональной подготовки. Не в пример администраторам заводских и дистриктных горнозаводских контор, куда, как и в другие низовые учреждения набирали местных детей боярских и даже посадских людей, чиновники Сибирского обер-бергамта и подчиненных начальств являлись артиллерийскими и горными офицерами разных рангов, хотя среди них встречались армейские и флотские офицеры. Особый облик горнозаводской администрации придавало присутствие в ее рядах заметного количества иностранцев. Необычным для практики местного управления было и то, что среди горных офицеров служила молодежь, люди 25–35-летнего возраста; правда ведущие позиции в самой мощной ведомственной администрации края они займут позже, в следующее десятилетие XVIII в.

Параграф 4.3. «Практика управления». Архаика в деятельности местных администраций, поразительная живучесть принципов приказно-воеводской традиции особенно заметна при детальном рассмотрении практики управления, свойственной уральским учреждениям петровского времени, изучению которой посвящен параграф. На основе большого массива административного делопроизводства изучаемых канцелярий нами доказано, что в период обеих реформ во всех учреждениях региона продолжало сохраняться ядро старого приказного контингента (от половины до трети личного состава в разных канцеляриях, представленного старыми и средней статьи подьячими), начавшего службу в начале века или даже ранее, и вместе с руководящим составом воспроизводившего принципы приказного ведения дел. Пополнение канцелярских штатов, особенно на уровне самой многочисленной – подьяческой части, происходило, в основном, за счет верстания членов местных подьяческих семей, образовавших уже с XVII в. устойчивые приказные кланы в своих городах (хотя не исключало наборов из других категорий населения, как посадского, так и служилого). В связи с этим канцелярская молодежь проходила ту же

школу общей и профессиональной подготовки, которая была характерна для практики XVII в. Государство не сумело наладить иную систему обучения управленцев, особенно канцеляристов, которая смогла бы обеспечить местные учреждения достаточным количеством людей, способных вести делопроизводство в соответствии с новыми требованиями, изложенными в нормативах, в частности, в Генеральном регламенте. Исключение вновь составило горнозаводское ведомство, руководители которого (в первую очередь – В. Н. Татищев) постарались создать сеть цифирных и грамматических школ для подготовки канцелярских кадров, но и их усилия были слишком скромны.

Источники показывают, что новации, навязываемые верховной властью через законодательно-нормативные предписания, даже в ходе второй областной реформы прижились на периферии очень тяжело. Практически полностью сохранилось внутреннее устройство канцелярий всех уровней: как в приказных палатах и избах их структурными подразделениями оставались столы и повытья. Канцелярский контингент так и не усвоил новых должностных наименований, продолжая, в массе своей, делиться на подъячих трех категорий, при этом источники не фиксируют бытования должностей нотариуса, актуариуса, протоколиста и архивариуса, равно как и строгой специализации подъячих в исполнении отдельных делопроизводственных операций. Только с первой половины 1720-х гг. глава канцелярии начинает (и то не повсеместно) именоваться не дьяком, а секретарем. Лишь в некоторых крупных учреждениях края (Тобольской губернской, Вятской провинциальной канцеляриях, Тобольском надворном суде и Сибирском обер-бергамте) приживается коллегиальная форма управления и ведется протокольное делопроизводство. Старые методы организации канцелярской деятельности (в первую очередь, отсутствие четкой делопроизводственной специализации и архивного обслуживания канцелярий) стали серьезной проблемой в условиях резко возросшего (в разы) документооборота. Плохо подготовленный приказный контингент местных учреждений оказался, в добавок, слишком малочисленным, точнее говоря, *рост численности кадров в значительной мере отставал от роста объемов документооборота*, что стало особенно очевидно в период больших реформ 1720-х гг. Таким образом, контингент (особенно канцелярский), имевшийся в наличии у областных учреждений изучаемого региона, оказался на грани того минимума, который был способен обеспечить нормальное функционирование системы управления в целом. *В таком контексте количественные параметры* управления: численность занятого в нем персонала, приобретали *качественную* сущность. Ситуация усугублялась тем, что создаваемые учреждения специального управления комплектовали свои канцелярии за счет старых кадров общегражданских инстанций. В результате происходило *распыление скудных канцелярских ресурсов*, которое приводило к ослаблению

управленческого потенциала как в регионе в целом, так и в отдельных его учреждениях. Пытаясь залатать кадровые прорехи, власти прибегали к ужесточению дисциплины, удлинению рабочего дня канцеляристов, принудительным наборам мало-мальски грамотных тягловцев в младшие подьячие, но тем самым лишь воспроизводили пороки приказной системы: качество подготовки контингента еще больше падало и организация управления оказывалась на грани развала.

Параграф 4.4. «Финансирование местного аппарата». Еще одной тяжелейшей проблемой, приведшей, наряду с вышеозначенными, к кризису системы местного управления, была острая нехватка средств на ее содержание. В параграфе исследуется финансирование регионального аппарата по основным статьям расходов: выплата жалованья по должностным окладам, оплата транспортных и канцелярских расходов. Две последние статьи расходов традиционно обеспечивались казной по остаточному принципу. На основании губернских выкладок и данных по ценам на свечи, бумагу, дрова и проч. видно, что недофинансирование прогонов и технических потребностей управления могло быть почти в десять раз ниже требуемого, в результате чего местные власти постоянно пытались восполнить недостачу путем возложения расходов непосредственно на население или выборные органы местного самоуправления. Сравнительный анализ законодательного материала и сведений по реальному финансированию оплаты труда различных категорий областной бюрократии показывает, что и эта расходная статья постоянно недофинансировалась. Более или менее обеспеченной за казенный счет оказывалась относительно немногочисленная категория старших чинов руководящего состава и дьячество. В то же время большая часть управленцев и канцеляристов не только была положена в весьма скромное окладное жалованье, но, как правило, не получало и его. Деньги, которые весьма неаккуратно выплачивались в соответствии с должностными окладами этим чиновникам, чаще всего возвращались в казну через целую систему штрафных и налоговых изъятий, общая сумма которых составляла до половины совокупного расхода. В связи с этим нами сделано два принципиально важных вывода: 1) введение единообразных должностных окладов гражданских чиновников при одновременном прекращении практики верстания поместными окладами, привело к ухудшению официального материального положения областной бюрократии, а сами должностные оклады не стали в петровскую эпоху, вопреки распространенному мнению, главным или единственным источником благосостояния этой категории государственных служащих. 2) ничтожное финансирование местного госаппарата (бывшее на порядки меньше расходов на содержание армии и флота, поглощавшего в разные годы от 50 до 96% государственного бюджета), не только означало его крайне не-

достаточное инвестирование (пользуясь современным термином), но не сумело стать реальным фактором внешней экономической мотивации его труда.

Глава 5. «Местная бюрократия как социальная общность». В этой главе, состоящей из трех параграфов, изложены результаты исследования социогенеза местной бюрократии на примере уральского материала. Будучи олицетворением власти в провинции, областное чиновничество в отношениях как с высшими и центральными учреждениями, так и с населением, само выступало в качестве особой общественной группы. Применяя методы семиотического анализа (категорию социальных кодов, предложенную в свое время В. Б. Кобриным) и приемы, разработанные в проблемном поле истории повседневности, мы проанализировали некоторые параметры материальных и ментальных установок и практик уральской бюрократии, определявших ее особое место в системе распределения социальных функций и общественного потребления и маркировавших ее внутреннее единство.

Параграф 5.1. «Прожиточный минимум и структура потребления как признаки социального статуса», посвящен исследованию структуры потребления местной бюрократии как своеобразного социального кода этой группы российского населения. На основе данных, имеющих в литературе и источниках, нами был установлен прожиточный минимум продуктового потребления, бытовавший и официально считавшийся приемлемым в XVIII в. для ряда категорий тяглого населения и низших групп приборных служилых людей. Сравнение этого минимума с системой должностных окладов различных рангов местного чиновничества показало, что большинство последнего, даже при условии неукоснительного получения служебного вознаграждения оказывалось на грани минимально допустимого потребления или незначительно превышало его. В то же время, исследование доношений крестьян на местных чиновников, вымогавших с них деньги и продовольствие, показало, что даже самые статусно незначительные служащие в своих материальных претензиях ориентировались не на прожиточный минимум, а на обильное и разнообразное потребление, схожее по своей структуре с *социально престижным*, свойственным потреблению поместного дворянства европейской России. Единство структуры продуктового потребления обуславливалось, на наш взгляд, социальным единством областной бюрократии, которая (независимо от должностной градации) считала правомочным добиваться статусно высокого обеспечения, ввиду своей принадлежности к власти.

Параграф 5.2. «Специфика структуры доходов местной бюрократии в первой четверти XVIII в.» развивает логику предыдущего параграфа. В данном случае нами были исследованы возможные способы, с помощью которых местные чиновники обеспечивали высокий уровень своих материальных притязаний и сравнительное значение каждого

из этих способов в общей структуре доходов. Источники канцелярского делопроизводства показали, что в период петровских реформ резко сократились легальные источники обеспечения благосостояния местной коронной бюрократии. Во-первых, с 1714 г. была официально прекращена практика поместного верстания; впрочем, для управленцев Урал и Сибири она играла очень скромную роль и в XVII в. В крае отсутствовала развитая система частновладельческого привилегированного землевладения, а основная масса администраторов и приказных не владела земельной недвижимостью и в европейской части России. В петровское время количество мелкопоместных и среднепоместных чиновников, служивших на Урале увеличилось, да и те, в основном, были представлены только верхушкой руководящего состава; среди канцеляристов, включая дьяков, таких лиц почти не было. Во-вторых, как было установлено выше, власть оказалась неспособной обеспечить достойное материальной существование областной бюрократии посредством выплат денежного и натурального жалованья. Отсюда, в третьих, чиновничество петровской эпохи развило и усовершенствовало всякого рода неофициальные способы обеспечения своих высоких материальных потребностей. В первую очередь это касалось системы кормлений, которые не только не исчезли и не деградировали в случайные «пережитки», но были поставлены на широкую ногу и даже получили определенную нормативную основу. Так, например, источники неоднократно свидетельствуют о том, что указами губернатора кн. М. П. Гагарина крестьянские и посадские миры были обязаны «кормить» губернскую и уездные администрации, за что им было обещано зачитывать издержки на кормы в общую сумму податей. Структура кормлений и состав адресатов корма, особенно подробно реконструируемые на основе обнаруженной нами расходной книги тюменской всеуездной общины оброчных крестьян 1717 г., предельно близки описанным на материалах XVII в. Е. Н. Швейковской и Г. П. Ениным. Кроме классических кормлений, практиковавшихся как на губернском, так и на уездном уровне, источники демонстрируют как близкие кормления способы обогащения, вроде традиционных «кормлений от дел», так и откровенно уголовные частные сборы под видом государственных налогов и открытые грабежи чиновниками крестьянского имущества. В контексте наших рассуждений принципиально подчеркнуть, что кормления и близкие к ним формы обеспечения бюрократии за счет управляемого населения, рассматриваемые обычно именно в качестве источников дохода управленцев, могут быть оценены и с другой точки зрения: как средство, или инструмент социальной консолидации этой категории российского общества, как еще один, присущий ей социальный код. *Чтобы иметь право на кормление, необходимо было принадлежать к одной корпорации, занимать место в системе государственного управления.* Перефразируя известный постулат XVII в. можно вывести формулу, характеризующую положение

местного чиновника: «Нет службы без кормления и кормления без службы». Характерно, что в эпоху петровских преобразований именно кормления стали основным элементом структуры доходов областной бюрократии.

Параграф 5.3. «Представления о должностной преступности как элемент социального правосознания местного чиновничества». В этом параграфе предпринята попытка проследить, каким образом специфика материального и служебного положения оказывала влияние на отдельные элементы общего мировоззрения местной бюрократии и каким образом это сказывалось на общем характере областного управления петровской эпохи. В качестве экспериментальной модели было выбрано отношение провинциальной бюрократии к самому важному аспекту ее деятельности: гражданской службе.

Ориентируясь на камералистские идеи, Петр I, среди прочего, приступил к проведению последовательного курса на искоренение любых форм мздоимства в чиновничьей среде. Общей тенденцией в деятельности законодателя можно считать тот факт, что он резко ужесточил ответственность за различные действия бюрократии, связанные с материальными поборами с населения, определяя их как должностные преступления. За период, например, с 1713 по 1722 гг. (время активного проведения административных реформ) на свет появилось не менее дюжины указов, непосредственно направленных на пресечение практики злоупотреблений должностью в наиболее характерных их проявлениях. Характеризуя злоупотребления должностью как «мины», подводимые «под фортецию правды», считая их «вяще измены, ибо, о измене уздав, остерегутца, а от сей не всякий остережется», законодатель возвел, в конце концов, этот вид преступлений в ранг государственных, отнеся «похищение интереса» к «третьему пункту слова и дела» и уравнив казнокрадство и частные поборы с населения, в том числе и кормления. В ответ на это управленцы нашли убедительную, как им казалось, систему оправдания своих действий, которую некоторые из них, в той или иной степени обобщения, высказали на письме. В общих чертах эта система сводилась к тому, что чиновники стали очень последовательно разделять понятия «злоимания» («лихоимания») и «мздоимания» («почести», «честного подношения», «акциденции»). Первое – это корыстное действие, приводимое к нарушению закона и влекущее за собой прямой вред государственным делам. Второе – это оплата за сверхурочный управленческий труд, за особо внимательное и неформально-добросовестное рассмотрение дела. Свои действия, безоговорочно противоправные с точки зрения текущего законодательства, они квалифицировали, разумеется, как второе. Теоретические обоснования дифференцированного подхода к оценке законного и незаконного в практике неформального обогащения чиновника в достаточно развернутом виде содержатся, по меньшей мере, в двух известных нам сочинениях, написанных в разные годы

людьми, побывавшими на уральской службе в эпоху петровских преобразований: И. К. Аврамовым и В. Н. Татищевым. В своей системе доказательств законности кормления от службы оба автора апеллируют не только к традиции и тезису о том, что само по себе взимание частного вознаграждения за исполнение должностных обязанностей при недостаточности официального жалования не является преступным, но и к авторитету священного Писания, обыгрывая цитаты о «мзде, ослепляющей мудрых» и правомочности «питания от алтаря» и противопоставляя светские законы высшим, божественным. При этом В. Н. Татищев, как человек гораздо более просвещенный и талантливый, возводил мздоимство в ранг не только законного, но принципиально необходимого явления государственного управления, определяя его безальтернативным механизмом, приводящим в движение административную машину. Сочинения И. Аврамова и В. Татищева являются очень ярким свидетельством формирования единых общественных взглядов местной бюрократии на важнейшую проблему ее жизнеобеспечения. При всей разнице в стиле и деталях логических конструкций, оба документа являются, на наш взгляд, не только отражением личных раздумий и переживаний авторов, но манифестом всех их сотоварищей по управленческому ремеслу.

Система кормлений во всем многообразии этого явления, в первой четверти XVIII в. стала мощным интегрирующим фактором социогенеза местной бюрократии, влияющим, в том числе, на формирование ее общественного самосознания. Обременив областное чиновничество дополнительными обязанностями и не обеспечив моральных и материальных стимулов службы, поставив вне закона неофициальные способы его жизнеобеспечения и не создав эффективного механизма реализации антикоррупционного законодательства, высшая власть невольно стимулировала дальнейшее развитие тех негативных черт в деятельности местных администраций, от которых декларативно стремилась избавиться в ходе реформ. В результате, сложившееся положение интегрировало служащих местного аппарата в относительно замкнутые социальные группы, сплоченные развитыми внутренними родственными и служебно-патрональными связями, слабой материальной зависимостью от государственного обеспечения, структурообразующей ролью системы кормлений (маркирующей их особый статус как в экономическом, так и в социальном проявлениях), криминальной (с позиций действующего законодательства) деятельностью по извлечению средств существования и почти полной безнаказанностью за дисциплинарные проступки и должностные преступления, что формировало единые черты социального правосознания и общественной самоидентификации.

В заключении обобщены результаты исследования и сделаны основные выводы. Во-первых, суммированы основные параметры, характеризующие *структурные* особен-

ности системы местного управления региона. Закреплен вывод о том, что общая система учреждений и должностей существовавших на Урале в динамике петровских реформ существенно отличалась от той, которая обычно представлялась в специальной литературе. Таким образом, задача комплексной реконструкции местного государственного управления в заданных хронологических и географических параметрах оказалась выполнена. Во-вторых, сравнение полученной картины с ситуацией в других частях Российского государства, известной по исследованиям предшественников, позволяет поставить вопрос *о новом понимании характера* региональных особенностей местного аппарата периода петровских реформ: означенные особенности, проявлявшиеся, главным образом, во внешних, структурных различиях, сами по себе являются *общей* чертой организации местного управления при Петре Великом. С другой стороны, внешняя разнородность областных администраций обладала рядом общих черт качественного порядка: везде мы сталкиваемся с проблемой острого недостатка кадров, отвратительным финансированием госаппарата, чудовищным провалом отчетности, многолетними недоимками, скверным состоянием путей сообщения, межведомственной неразберихой и упорным отторжением принципов последовательной специализации управления, живучестью кормленческой практики и материальных вымогательств чиновников с населения и т. п. В связи с этим урало-сибирский материал, позволяет, как представляется, сделать некоторые выводы более широкого плана: 1) Не следует преувеличивать радикализм петровских реформ местного управления. Попытки (и небезуспешные) приспособить систему управления к вызовам времени предпринимали и предшественники Петра I, создав по своему заверченный и действенный, а самое главное, способный к эволюции механизм власти. Хотя великий преобразователь демонстрировал полный разрыв с прежними традициями, а примерно с середины 1710-х гг., начав более глубокое знакомство с принципами европейского, камералистского управления, действительно решил этот разрыв осуществить, мы должны четко различать его намерения, выраженные в *идеологии реформ и законодательном обеспечении реформ* с одной стороны, и *реальный процесс государственного строительства*. 2) В первой четверти XVIII в. не произошло принципиальных изменений социально-экономических отношений в масштабах всей страны, в лучшем случае они лишь наметились, в связи с чем не было и объективных внутренних предпосылок для коренного изменения системы местного управления³⁵. Областная бюрократия петровского времени в массе своей оставалась

³⁵ В новейшей литературе предельно жестко (и, может быть, излишне категорично) подобное мнение декларировал сибирский историк А. Р. Ивонин: «С точки зрения тенденций внутреннего развития, страна *не нуждалась ни в каких реформах* (Здесь и ниже выделено автором статьи. – Д. Р.) <...> Однако, с точки зрения внешних условий, Россия *должна* была или принять вызов “христианского мира”, или сойти с исторической

бюрократией приказного типа, воспроизводившая *приказные порядки управления*. Полагая возможным, в связи с этим, говорить о континуальном характере допетровского и петровского чиновничества, во всяком случае, в местном звене государственного управления. Форсированная бюрократизация, на которую, очевидно, уповал император, смогла более или менее реализоваться лишь в центральном коронном аппарате, но не на местах. 3) Даже в условиях тотального государственного контроля (какового в петровское время, все-таки, не было) и дискретного, неконсолидированного состояния общества остается возможность обратной корректировки государственного курса. Это корректировка на элементарном, рефлекторном уровне, выраженная формами социальной апатии, неосознанного саботажа, игнорирования своих социальных и служебных обязанностей и т. п. имела, на наш взгляд, место в первой четверти XVIII в. Общая неготовность основной массы подданных Российской короны к предложенным радикальным реформам, что, в частности, попыталась относительно недавно доказать А. Л. Хорошкевич³⁶ (и на наш взгляд – убедительно), усугублялась неготовностью и нежеланием следовать новому курсу и самой бюрократии, о чем шла речь (на примере урало-сибирского материала) в настоящем исследовании. Благодаря «сопротивлению материала» реформируемой социокультурной среды, форсированный характер преобразований тормозился, или «смазывался». Реальное преобразование государственного аппарата на местах и структурно, и по содержанию управленческой деятельности, под давлением объективных обстоятельств, *теряло тот радикализм*, который был заложен реформаторами, подстраивалось под возможности общества. Принципиальные новации в управленческой сфере петровской эпохи возникали только в тех областях государственной и общественной жизни, в которых происходили базовые качественные перемены. Яркий пример тому дает история горнозаводского управления на Урале. 4) На практике разрыв между радикальными требованиями высшей

арены». (Ивонин А. Р. Государство и общество в России XVII – XX вв.: этапы взаимодействия // От Средневековья к Новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. С. 167). Свои сомнения в наличии структурного кризиса в России XVII в., вызвавшего потребности радикальных преобразований, и признание ведущего значения внешнеполитического фактора как движущего мотива петровских реформ, разрушивших «отлаженную систему власти» предыдущего периода, совсем недавно высказал Е. В. Анисимов, принципиально пересмотревший, таким образом, свою прежнюю концепцию. См.: Анисимов Е. В. О так называемых предпосылках петровских реформ // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII столетия). Междунар. конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина. Тез. докладов и сообщений. Препринт. М., 2005. С. 9–10.

³⁶ Хорошкевич А. Л. Политическая готовность россиян к реформам Петра Великого (к постановке проблемы) // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000.

власти и инертностью и ресурсной недостаточностью реорганизуемой среды привел к *серьезному кризису местного управления*, преодолеть который попытались преемники Петра в ходе т. н. “контрреформ” 1726–1727 гг.³⁷ посредством предельного упрощения структуры местных учреждений, отказа от казенного финансирования наиболее многочисленной части госаппарата, частичной легализации старой практики “кормления от дел”, проведения общего сокращения численности чиновников и т. п. 5) Эти мероприятия, однако, не означали полного возврата к допетровскому состоянию: избавившись от избыточных (в условиях места и времени) учреждений специального местного управления (камерирских и судебных учреждений всех уровней, а несколькими годами спустя – от фискальных учреждений ведения Военной коллегии – полковых дворов и военных дистриктов), высшая власть сохранила и упорядочила трехступенчатую иерархию местного административно-территориального деления (уезд (=дистрикт) – провинция – губерния), обеспечив строгую систему подчинения по вертикали, чего не было ни в допетровский, ни в петровский периоды; подчинила эту вертикаль по предметам ведения специальным учреждениям центрального аппарата, сохранившим свой отраслевой характер. Петровское административное законодательство, в значительной степени, стало основой для последующего законотворчества в области русского государственного права. 6) Таким образом, окончание петровских реформ местного государственного управления следует датировать событиями 1727 г. При всех издержках государственного строительства первой четверти XVIII в., оно, несомненно, стало очередным шагом по пути укрепления самодержавия, по пути бюрократизации управления. В то же время сам период петровских реформ местного управления, при всей внешней радикальности и декларированном отрицании предшествовавшего административного опыта, будет справедливо рассматривать как переходный, с одной стороны завершавший процесс эволюции приказно-воеводской системы управления, а с другой стороны, открывавший качественно новый, коллежский этап в истории государственного управления и бюрократии в России.

По теме диссертации опубликованы:

Статьи в ведущих научных журналах и изданиях:

1. Вторая областная реформа Петра Великого и становление уральской горнозаводской администрации // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. Сер. 2, Гуманитарные науки. Вып. 7. С. 45–59.

³⁷ Наиболее удачным определением содержания действий верховной власти в конце 1720-х гг. можно считать предложенный А. Б. Каменским термин «корректировка» («корректировка курса»).

2. Административный статус зауральских дистриктов конца первой четверти XVIII в. (Предварительные наблюдения) // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. Сер. 2, Гуманитарные науки. Вып. 10. С. 63–71.

3. Губернский аппарат управления Сибири в период первой областной реформы Петра Великого // Уральский исторический вестник. № 15. (В печати).

Монография:

4. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.) / Отв. ред. Н. А. Миненко. Екатеринбург, 2007. 620 с.

Учебники, учебные пособия, хрестоматии:

5. История Урала с древнейших времен до конца XVIII в. – Пособие для учителя / Под ред. А. Т. Шашкова. Екатеринбург, 1995 (совм. с Д. В. Бугровым, В. М. Морозовым, Б. Б. Овчинниковой). С. 109–184.

6. История Урала с древнейших времен до конца XVIII в. – Сб. мат-лов и док-тов. Пособие для учителя / Под ред. Б. Б. Овчинниковой. Екатеринбург, 1995 (подгот. текста, ком. совм. с Е. М. Главацкой, Е. М. Маньковой, Б. Б. Овчинниковой и др.). С. 81–180.

7. История Урала с древнейших времен до конца XVIII в. – Учебное пособие. Екатеринбург, 1996 (совм. с А. Т. Шашковым). С.

8. История Урала с древнейших времен до середины XIX в. – Учебное пособие для студентов исторических ф-тов / Под ред. А. Т. Шашкова, Н. Н. Попова. Екатеринбург, 2002 (совм. с Н. А. Алексащенко, Д. В. Бугровым, А. Т. Шашковым). С. 124–201.

9. История Урала с древнейших времен до середины XIX в. Хрестоматия / Под ред. А. Т. Шашкова, Д. А. Редина. Екатеринбург, 2002 (сост. совм. с В. А. Ляпиным, А. Т. Шашковым). С. 142–228.

10. История Урала с древнейших времен до наших дней. – Учебник для 10–11-х классов общеобразовательных учреждений / Под общ. ред. И. С. Огоновской, Н. Н. Попова. Екатеринбург, 2003 (совм. с совместно с И. С. Огоновской, С. В. Петровым, Н. Н. Поповым и др.). С. 119–175.

Статьи и тезисы докладов:

11. Обзор основных тенденций в управлении национальными территориями в Российской империи XVIII–XIX вв. // Архивы Урала. 1996. № 1 (совм. с Б. Б. Овчинниковой и Е. М. Главацкой). С. 203–207.

12. Уральские вечноотданные XVIII в.: сословная идентификация и самоидентификация // Политические институты и социальные страты России (XVI–XVIII вв.): Тез. международной конференции. М., 1998. С. 117–123.

13. Генерал де Геннин – князь Козловский: к истории межведомственного конфликта 1723–1724 гг. // Русские старожилы: Мат-лы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие Западной Сибири». Тобольск; Омск. С. 316–319.
14. Между Русью и Сибирью // Родина. 2001. № 10 (совм. с В. И. Байдиным Н. Н. Барановым, Ю. Н. Величко, С. В. Горшковым и др.). С.
15. Выучим ли уроки истории: размышления над административной картой Урала // Родина. 2001. № 11 (совм. с Д. В. Бугровым, Н. Н. Поповым). С. 7–14.
16. Пять копеек серебром за один рубль медный: денежная кузница России // Родина. 2001. № 11. С. 62–64.
17. Петровские реформы на Урале: «мертвая зона» в историографии ураловедения // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тез. XIV научной конференции в честь С. О. Шмидта. М., 2002. С. 407–409.
18. Административный статус уральских дистриктов конца первой четверти XVIII в. (Предварительные наблюдения) // Проблемы истории России. Вып. 5: На перекрестках эпох и традиций: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург, 2003. С. 272–289.
19. Личная канцелярия генерала де Геннина: характер учреждения, штат, сфера компетенции и организация делопроизводства // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2003. С. 36–64.
20. О разграничении юрисдикций гражданских и горных властей в западных провинциях Сибирской губернии (на примере уголовных дел 1723–1724 гг.) // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Т. А. Исаева. Сургут, 2004. С. 195–123.
21. О служебной субординации гражданских и горнозаводских властей в Тобольской провинции в 1720-е гг. // Русские старожилы: Мат-лы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие Западной Сибири». Тобольск, 2004. С. 258–262.
22. «Чинят волокиты и раззорения...». Из истории Тобольского надворного суда // Родина. 2004. Спецвыпуск: Тобольск – живая старина. С. 87–91.
23. Челобитные крестьян о взятках и вымогательствах как источник по изучению структуры потребления низшего чиновничества Урала и Западной Сибири в 1720-х гг. // Культура российской провинции. Памяти М. Г. Казанцевой: Сб. науч. ст. / Отв. ред. И. Л. Манькова. Екатеринбург, 2005. С. 220–228.
24. Местные учреждения петровского времени как проводники и исполнители законодательства (опыт изучения канцелярского регистра 1720-х гг.) // Проблемы истории России. Вып. 6: От Средневековья к Современности: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург, 2005. С. 138–153.

25. «Книга записная перечневая» 1722 г.: обстоятельства происхождения и место в ряду источников по истории Урала петровской эпохи // Уральский археографический альманах. 2005 год. Екатеринбург, 2005. С. 171–182.
26. Имущественное положение низшей администрации и канцелярских служащих Урала и Западной Сибири в 1720-е гг. (К постановке вопроса) // Меншиковские чтения – 2005: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П. А. Кротов. СПб., 2005. С. 96–108.
27. Сибирские ландраты. 1714–1720 гг. (Материалы к исследованию) // Петровское время в лицах – 2005: Мат-лы научной конференции. СПб., 2005. С. 181–194.
28. Местное государственное управление на Урале и в Западной Сибири в эпоху петровских реформ // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Конкурс грантов 2002 года: Сб. рефератов избранных работ. Екатеринбург, 2005. Кн. I. С. 59–61.
29. Должностная преступность в петровской России: отношение современников // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X – XVIII вв.): Мат-лы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л. В. Черепнина. Препринт. М., 2005. С. 25–27.
30. Транспортные коммуникации Сибири XVIII в. как элемент системы управления (постановка вопроса и проблема источников) // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 1: Академические исследования Северо-Западной Сибири в XVIII в.: история организации и научное наследие. Мат-лы международного симпозиума 7–15 сентября 2005 г. Екатеринбург, 2006. С. 138–162.
31. Должностная преступность в петровской России: отношение современников // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время. Сб. мат-лов и статей международной конференции. М. (В печати)
32. Ландрат // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск. В печати. (0,1 п.л.).
33. Губернский ландратский совет // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск. В печати. (0,1 п.л.).

